

ПИСЬМА ОГАРЕВА К Е. В. САЛИАС ДЕ ТУРНЕМИР

Публикация Б. Козьмина

Публикуемые 28 писем Огарева к графине Елизавете Васильевне *Салиас де Турнемир* (известной в литературе под псевдонимом *Евгении Тур*) и 4 сохранившихся ответных письма ее представляют большой интерес для изучения политических позиций, которые занимали в шестидесятые годы авторы писем. Письма приобретают особую ценность благодаря тому, что некоторые из них сопровождаются приписками Герцена — существенным дополнением к девяти его письмам к Салиас, уже опубликованным ранее (XV, 390—391; XVII, 16, 46. 175—176, 400, 401—402, 406, 418; XXI, 514). До сих пор были опубликованы лишь два письма Огарева к Салиас: одно, датированное 23 июня 1863 г., было напечатано в «Лит. наследстве», т. 39-40, 1941, где оно ошибочно, как это установил Я. З. Черняк, приписано Герцену; другое же, относящееся к февралю 1864 г., было приведено сыном адресатки, автором исторических романов Е. А. Салиасом в его воспоминаниях «Семь арестов» («Ист. вестник», 1898, № 3, стр. 829—830).

Огарев в своих письмах именует Салиас «старым другом». Действительно, знакомство их и дружеская близость относятся к весьма давнему времени. Е. А. Салиас в своих воспоминаниях писал: «Моя мать... была с юношеских лет дружна с Огаревым, который был для моей бабушки Сухово-Кобылиной „вторым сыном“, как она его называла» (там же, стр. 845).

Е. В. Салиас, урожденная Сухово-Кобылина, принадлежала к дворянской семье, хорошо известной в Москве. Ее отец участвовал в Отечественной войне 1812 г., был неоднократно ранен, потерял глаз. Дослужившись до чина генерала и выйдя впоследствии в отставку, он состоял подольским уездным предводителем дворянства. Мать Е. В. Салиас пользовалась репутацией жестокой помещицы; по свидетельству хорошо знавшего ее мемуариста, Е. М. Феоктистова, от ее нрава «крепостным приходилось очень жутко» и в то же время она «имела претензию на образованность» и занималась чтением Шеллинга («Атеней», 1926, кн. 3, стр. 108). Дети Сухово-Кобылиных — три дочери и два сына, — получили хорошее образование. В качестве преподавателей к ним были приглашены известные в то время профессора. Что касается Елизаветы Васильевны, то «историю Российскую преподавал ей профессор Морозкин, литературу — поэт Раич, физику — профессор Максимович» («Знакомые». Альбом М. И. Семевского. СПб., 1888, стр. 268). В числе ее преподавателей был и издатель журнала «Телескоп», профессор Московского университета Н. И. Надеждин. В жизни своей ученицы он сыграл большую роль: они увлеклись друг другом и мечтали соединить свою судьбу. Однако дворянский гонор семьи делал совершенно неприемлемым для Сухово-Кобылиных брак Елизаветы Васильевны с «поповичем» и «семинаристом». Особенно сильно противились этому браку ее мать и брат, известный впоследствии драматург А. В. Сухово-Кобылин, до мозга костей пропитанный дворянскими предрассудками: этот брак представлялся им мезальянсом, позорным для аристократического рода. Удрученная требованием родных прекратить всякие сношения с любимым человеком, Елизавета Васильевна серьезно заболела. По свидетельству одного современника, «она была на волос от сумашествия, на волос от смерти». Правда, ей удалось

избежать и того, и другого, но сильное нервное потрясение отразилось на ее характере, сделало ее болезненно впечатлительной (см. Н. К. К о з м и н. Николай Иванович Надеждин. СПб., 1912, стр. 457, 491, 501).

Современники, которым приходилось высказываться о Е. В. Салиас, единодушно отмечают тяжелые стороны характера этой по существу доброй, но взбалмошной женщины.

Хорошо знавший ее Е. М. Феоктистов пишет в своих воспоминаниях: «Сама она была, бесспорно, женщина умная, образованная, талантливая, но исполненная больших странностей. Она вся была пыл, экстаз, восторженность, но условливалось это не сердцем, а невероятною какою-то болезненною ее нервозностью... Никогда, даже в очень старческие годы, не удавалось ей достигнуть неопеченного блага — душевного спокойствия; она все волновалась, выходила из себя; одно до последней крайности доведенное увлечение сменялось у нее другим, столь же крайним; беседа с ней представляла нередко очень много интересного, но гораздо чаще действовала утомительно. И, боже мой, как любила она говорить!.. Под влиянием обычного своего возбуждения она постоянно создавала себе миражи, видела людей не такими, какими они были в действительности, а какими создавало их ее воображение; эта женщина, по натуре своей в высшей степени искренняя, извращала факты, выдавала за достоверное то, чего никогда не было и не могло быть, и все это отнюдь не с умыслом, а с твердою уверенностью в своей правдивости».

Феоктистов приводит отзыв Грановского, хорошо знавшего Салиас под конец своей жизни: «*Elle est sèche et ardente*» («Она суха и пламенна»). Это замечание Феоктистов находит не вполне справедливым, ибо, [по его мнению, сухости в Салиас не было. «Она, — пишет Феоктистов, — имела полное право считать себя женщиной положительно доброю; только доброта эта как бы ступенька вывалась, оставалась незамеченною по сравнению [с ее непрерывными нервными порывами]» (Е. М. Феоктистов. За кулисами политики и литературы. Л., 1929, стр. 362, 366—367).

Слова Грановского почти буквально повторяет В. П. Боткин в одном из писем к Тургеневу. «В Сальяс, — пишет он, — меня всегда поражала эта внутренняя тревожность, кажется, она принадлежит к сухо-страстным натурам» («В. П. Боткин и И. С. Тургенев. Незданная переписка». М. — Л., 1930, стр. 77).

Аналогичными чертами изобразил Салиас и Н. С. Лесков в романе «Некуда», где она выведена под именем маркизы Ксении Григорьевны де Бараль. Образ, нарисованный Лесковым, хотя и несколько карикатурный, был очень схож с оригиналом, и современники без труда догадывались, кто именно послужил романисту прототипом маркизы де Бараль.

Несомненно, неудачная любовь к Надеждину оказала сильное влияние на формирование характера Салиас.

После разрыва с Надеждиным семья Сухово-Кобылиных увезла Елизавету Васильевну за границу, в расчете на то, что там она скорее забудет свое увлечение. Там ей нашли жениха — графа Андре Салиаса де Турнемир, отпрыска захудалой и обедневшей ветви старинного и некогда богатого французского дворянского рода. Хотя Ел. В. Сухово-Кобылина была совершенно равнодушна к своему жениху, она согласилась выйти за него, ибо считала свою жизнь разбитою. Ее муж представлял собою, по словам современника, «самое жалкое ничтожество». «Пустейший хлыщ, очень кичившийся своим титулом», он женился на Сухово-Кобылиной из-за ее приданого (около 80 тыс. руб.), от которого у него скоро ничего не осталось. Приехав с женою в Россию, граф Салиас решил научить «русских варваров» изготавливать шампанское и для этого выписал из Франции специалистов-виноделов. Однако его шампанское было такого низкого качества, что не находило потребителей. Салиасу пришлось ликвидировать неудачное предприятие, поглотившее все приданое жены. К этому присоединилась скандальная дуэль, в результате которой Салиасу как французскому подданному было предложено покинуть Россию (Е. М. Феоктистов. За кулисами политики и литературы, цит. изд., стр. 365, и М. Д. Бутурлин. Воспоминания. — «Русский архив», 1897, № 3, стр. 353). Жена, не чувствовавшая к мужу ни-

чего, кроме презрения, не последовала за ним и нисколько не была огорчена его отъездом¹.

Однако положение ее оказалось весьма трудным: у нее на руках осталось трое малолетних детей, а средств к существованию не было. Родители, выделившие ей приданое, считали все свои обязательства по отношению к ней выполненными. К тому же в это время материальное благосостояние семьи Сухово-Кобылиных сильно пошатнулось.

Е. В. Салиас с детьми поселилась в небольшом домике на 3-й Мещанской улице и жила, главным образом, на те средства, которые получала от своей младшей сестры Евдокии Васильевны, по мужу Петрово-Соловово. «Иная мать так о детях не думает, как ты о нас», — писала Е. В. Салиас сестре («Труды Библиотеки СССР им. В. И. Ленина», вып. III. М., 1934, стр. 188).

Не желая быть в тягость сестре, Е. В. Салиас в поисках средств решила испробовать свои силы в литературе. «Ради заработка явилась в русской литературе Евгения Тур», — писал ее сын (Е. А. С а л и а с. Семь арестов. — «Ист. вестник», 1898, № 1, стр. 90)².

В 1849 г. на страницах некрасовского «Современника» была напечатана повесть Тур «Ошибка», а в 1851 г. в том же журнале — роман «Племянница». Имя Евг. Тур стало пользоваться популярностью; ее стали называть — конечно, без достаточных на то оснований — «русской Жорж Санда». Известности Евг. Тур много содействовала напечатанная в № 1 «Современника» за 1852 г. статья И. С. Тургенева о романе «Племянница».

Статья эта начиналась с неумеренных похвал дарованию Евг. Тур, «искренности» и «лиричности» ее творчества. «Блестящие надежды, возбужденные г-жею Тур, — писал Тургенев, — оправдались настолько, что уже перестали быть надеждами и сделались достоянием нашей литературы: дарование г-жи Тур, слава богу, не нуждается в поощрениях и может с честью выдержать самую строгую оценку». Однако за этими комплиментами следовали весьма существенные оговорки. Тургенев указывал, что талант Евг. Тур «не первоклассный», что произведения ее страдают растянутостью, вялостью, сбиванием ненужных рассуждений, неумелой архитектоникой, бледностью, что многие действующие лица безжизненны. «Ей не страшно, — писал Тургенев, — наполнять целые десятки страниц либо ненужными рассуждениями, либо рассказами, не ведущими к делу, либо даже просто болтовней» (И. С. Т у р г е н е в. Полное собр. соч., т. XII, СПб., 1898, стр. 303—314).

Статья Тургенева глубоко уязвила Евг. Тур. При ее болезненно развитом самолюбии, отзыв Тургенева, несмотря на все комплименты, был воспринят ею как оскорбление, и она долго не могла простить ему этой статьи («В. П. Боткин и И. С. Тургенев», Неизданная переписка, цит. изд., стр. 10, 12, 15—16).

Гораздо более суровую оценку получил на страницах «Современника» (1854, кн. 5) новый роман Евг. Тур «Три поры жизни», напечатанный в «Библиотеке для чтения» в 1853 г. и вышедший в 1854 г. отдельным изданием. Отзыв о романе принадлежал перу Чернышевского. Он был убийственным. Разобрав содержание романа Тур, Чернышевский пришел к следующему выводу:

«В „Трех порах жизни“ нет ни мысли, ни правдоподобия в характерах, ни вероятности в ходе событий; есть только страшная аффектация, натянутость и экзальтация, представляющая все в „каком-то фантастическом сиянии“ и как раз навыворот против того, что бывает на белом свете. Над всем этим владычествует неизмеримая пустота содержания» (Н. Г. Ч е р н ы ш е в с к и й. Полное собр. соч., т. II. М., 1949, стр. 231).

Салиас была бесконечно оскорблена суровым отзывом Чернышевского и до конца жизни не могла забыть неприятную для нее, но по существу вполне справедливую оценку романа. Чернышевский сделался в ее глазах фигурой однозной, и по отношению к нему она не находила нужным проявлять и тени беспристрастия.

Ее оскорбленное самолюбие было уязвлено и другими критическими замечаниями, появившимися на страницах «Современника». «Свисток» в «Дружеской переписке Москвы с Петербургом», написанной Некрасовым и Добролюбовым, отнес ее произведение в «область празднословного романа» (Н. А. Д о б р о л ю б о в. Полное собр.

соч., т. VI. М., 1939, стр. 231). Анонимный автор злой рецензии на ее книжку, посвященную деятельности известной филантропки Елизаветы Фрей, сурово отозвался о произведении Тур не только потому, что она идеализировала буржуазную филантропию, но и потому, что она расточала либеральные восторги по поводу русского «прогресса». Автором этой рецензии был Добролюбов (там же, т. V, стр. 176—181).

Озлобление против «Современника» Евг. Тур проявила и впоследствии на страницах своего журнала «Русская речь».

Салиас стремилась превратить свой маленький домик на 3-й Мещанской в один из центров культурной и литературной Москвы. Еще в начале сороковых годов она собирала у себя людей, причастных к науке и литературе. В 1843 г. А. И. Тургенев писал из Москвы Вяземскому: «Вчера, как и каждый день, засиделся и заужинался на вечеринке. Графиня Салиас собрала весь блестящий мир; я любезничал с незнакомыми почти до двух часов» (цит. по кн.: Л. П. Гроссман. Преступление Сухово-Кобылина, изд. 2. Л., 1928, стр. 68).

Посещал салон Салиас и Огарев, бывавший в Москве наездами. Салиас он знал еще с детских лет. В салоне Салиас, как раньше в доме Сухово-Кобылиных, его привлекала более всего младшая сестра — красавица Евдокия Васильевна. Много позднее, уже в годы эмиграции, Огарев, вспоминая о «Душеньке Кобылиной», признавался, что, в сущности, за всю свою жизнь он «никого не любил» так сильно, как ее. «А чего не было в этом бесконечно красивом образе, — писал он Герцену в 1859 г., — и магнетический взгляд, и каждое движение, полное магнетизма нежности, кротости, грации, такта, благоволения» («Лит. наследство», т. 39-40, 1941, стр. 378). В 1842 г. он писал из Москвы жене: «У m-me Salias бываю я довольно часто. Мне так хорошо, можно говорить вздор и видеть прекрасное лицо — две вещи, которые доставляют великую отраду» (цит. по кн.: М. Гершензон. Образы прошлого. М., 1912, стр. 471). Огарев был увлечен красотой сестры Салиас, к ней же самой он в то время питал, по его выражению, «сердечную дружбу» (Я. З. Черняк. Огарев, Некрасов, Герцен, Чернышевский в споре об огаревском наследстве. М.—Л., 1933, стр. 322).

Однако впоследствии характер отношения Огарева к Салиас изменился. В начале 1848 г. Огарев приехал из своего пензенского имения Акшена в Москву. Здесь он захворал корью, а весной, когда его здоровье уже поправилось, по предложению Сухово-Кобылиных, отправился погостить в их подмосковное имение, где жила в то время и Салиас. «Там, — рассказывает про Огарева Н. А. Тучкова-Огарева, — вспомнил детство и сблизился с дамами, потом уехал в деревню к себе <...> помню, что в Москве Грановский сказал, смеясь: „Огаревым овладела какая-то граф(иня) Салиас — она очень напоминает Марью Львовну <первую жену Огарева. — Б. К.>, охота ему*” («Архив Огаревых». М., 1930, стр. 299). Осенью того же года Салиас с детьми и гувернанткой приехала в Акшено. О том, что в это время Огарев питал к Салиас чувства не только дружеские, можно судить по его позднейшему письму к Герцену. Когда в 1865 г. Герцен, недолюбливавший Салиас, в одном из своих писем выразил недоумение по поводу того, что Огарев, «специалист по части амурных дел», мог «яро-стно сочувствовать Васильевне» (XXII, 125)³, Огарев решительно возражал: «...твой перспикаситет* относительно m-me S^{al}ilhas не совсем признаю. В ней много благо-родства и преданности. Относительно меня она это доказала и своим отношением после того, как я с ней мерзко поступил» («Лит. наследство», т. 39-40, 1941, стр. 405).

Утверждая будто он «мерзко поступил» с Салиас, Огарев имел в виду разрыв отношений между ними в начале зимы 1848 г., у него в имении. Салиас, увлеченная Огаревым, поняла ранее, чем он сам, что Н. А. Тучкова, дочь друга и соседа Огарева, полюбила его. Скоро Салиас почувствовала, что и Огарев серьезно увлечен Тучковой. В письмах того периода Огарева к Н. А. Тучковой можно найти несколько сообщений о болезненном состоянии Салиас, о вызванных ревностью нервных припадках, которые мешали ему посещать Тучковых так часто, как ему хотелось бы («Русские пропилеи», т. IV, М., 1917, стр. 19, 20, 25). «Г-жа С<алиас> была больна и жалка, а я употребил все усилия, чтобы сдержаться, потому что, несмотря на то, что мне ее жаль, я едва могу побороть чувство напряженного бешенства, которое привык к ней

* проницательность (от франц. «perspicacité»).

питать,— писал Огарев Н. А. Тучковой 24 декабря 1848 г.— Это пытка, которой вы, к счастью, не знаете! Надо было делать все: надо было утешать — я лгал. У нее талант ставить меня в безвыходное положение, так что я или должен сказать ей убийственную правду, или солгать. Что прикажете делать! Я предпочел быть гуманным, несмотря на все желание убить ее на месте» (там же, стр. 48). Нетрудно представить себе, какое облегчение почувствовал Огарев, когда Салиас на несколько дней уехала к Тучковым. «Один! один! понимаете ли вы, милый друг, весь смысл этого слова? Это огромно! Это свобода!» (там же, стр. 55). Вскоре по возвращении от Тучковых Салиас, убедившаяся, что Наталья Алексеевна окончательно вытеснила ее из сердца Огарева, покинула его усадьбу, оставив ему на всю зиму детей с гувернанткой.

На первых порах Салиас сильно негодовала, жаловалась на Огарева Грановскому и другим его московским друзьям и сумела восстановить их против него («Звенья», т. I, 1932, стр. 146—147, кн. 6, 1936, стр. 361). Однако с течением времени обида забылась, и, как видно из печатаемых нами писем, дружеские отношения между Салиас и Огаревым восстановились, несмотря на то, что по своим общественно-политическим взглядам они далеко не были единомышленниками.

Салиас знала Герцена, как и Огарева, еще по Москве. Брат ее, А. В. Сухово-Кобылин, называет Герцена в автобиографии «другом детства» и приписывает его влиянию свой интерес «к литературным занятиям и особенно к философии Гегеля» (цит. по кн.: Л. П. Гроссман. Преступление Сухово-Кобылина, стр. 68), поклонником которого Сухово-Кобылин остался на всю жизнь. Вряд ли, однако, Герцен в действительности был дружен с Сухово-Кобылиным. Этому могла препятствовать и разница в возрасте: Сухово-Кобылин на пять лет моложе Герцена, а в детские и юношеские годы такая разница имеет большое значение. Как бы то ни было, бесспорно, что Герцен не был так близок с семейством Сухово-Кобылиных, как Огарев, и не питал к Салиас таких дружеских чувств, как он. Наоборот, отношение Герцена к Салиас было скорее отрицательным и продолжало оставаться таким и в шестидесятых годах, когда Герцену пришлось переписываться с ней и встречаться лично. Это объяснялось прежде всего политической позицией Салиас. Но раньше чем говорить о взглядах Салиас в заграничный период ее жизни, необходимо познакомиться с тем, что представлял собою ее московский салон в пятидесятые годы и в начале шестидесятых, когда он являлся одним из центров московского либерализма.

В пятидесятых годах главную роль в салоне Салиас играл Грановский. Они были настолько дружны, что Грановский посвятил ей одну из своих печатных работ: «Песни Эдды о Нибелунгах». В доме Салиас был культ Грановского. Каждое его суждение и слово имело в глазах хозяйки дома непререкаемый авторитет.

Помимо Грановского, в салоне Салиас в эти годы бывал П. Н. Кудрявцев, с которым она была очень близка, Н. Х. Кетчер, Евг. Ф. Корш, В. П. Боткин, А. Д. Галахов, историк К. Н. Бестужев-Рюмин и др. Во время приездов в Москву бывал у Салиас и И. С. Тургенев.

В середине пятидесятых годов Салиас сблизилась с М. Н. Катковым. Она была постоянной сотрудницей «Русского вестника» с основания журнала до 1860 г. В 1858 г. она писала Каткову: «„Русский вестник“ мне чрезвычайно дорог, все его мнения — мои мнения...».

Постепенно умеренно-либеральный характер салона Салиас значительно изменился, состав его посетителей демократизировался: на вечерах у Салиас можно было встретить начинающих свою литературную деятельность Левитова, Слепцова, Лескова, Суворина (в то время настроенного весьма либерально) и других молодых писателей. Постоянным посетителем Салиас и другом ее был профессор Московского университета Вызинский, поляк по национальности, внушивший Салиас горячие симпатии к Польше. Феоктистов, в то время учитель детей Салиас, живший у нее в доме, утверждает, будто бы Вызинский пробудил в Салиас «безграничные симпатии к революционной партии». «Дом ее,— пишет он,— сделался мало-помалу сборищем, бог знает, какого люда,— всё это ораторствовало о свободе, равенстве, о необходимости борьбы с правительством и т. п.» (Е. М. Феоктистов. За кулисами политики и литературы, цит. изд., стр. 368). В этих словах Феоктистова много преувеличений.

Ни о каких действительных симпатиях Салиас к революционному делу, как мы убедимся ниже, говорить не приходится. Демократизация же салона произошла не столько под влиянием Вызинского, сколько вследствие сближения сына хозяйки, поступившего в 1859 г. на юридический факультет Московского университета, со многими студентами, причастными к студенческому и революционному движению тех лет. Среди ближайших знакомых и приятелей молодого Салиаса мы находим участников известного кружка Заичневского и Аргиропуло, развернувшего в то время большую работу по литографированию и тайному распространению запрещенных в России сочинений Герцена, Огарева, Л. Фейербаха и др. авторов (см. нашу работу «Кружок Заичневского и Аргиропуло». — «Каторга и ссылка», 1930, №№ 7 и 8—9). Товарищи студента Салиаса бывали у него в доме и познакомились с его матерью. Особенно подружилась она с ближайшим другом ее сына — И. Кельсиевым, братом известного эмигранта, а позднее ренегата В. Кельсиева. В отличие от Василия, Иван Кельсиев был стойким революционером, горячо преданным делу народного освобождения. О близости И. Кельсиева к Салиас можно судить по двум письмам, адресованным на ее имя: одно из них осталось неотправленным и было отобрано у него при аресте (сб. «Политические процессы 60-х гг.», под ред. Б. Козьмина. М.—Л., 1923, стр. 111—113), другое написано уже после бегства И. Кельсиева из ссылки (см. в «Лит. наследстве», т. 41-42, 1941, стр. 105—110).

Близость Е. В. Салиас с Кельсиевым не дает еще основания говорить о ней, как о его единомышленнице. Сам Кельсиев во время допросов указывал на это. «Есть люди, — говорил он, — и к этой категории относится графиня Салиас, — которые смотрят на социализм и республику, как на нечто абсолютно негодное, не только как на негодное теперь, но как на негодное и для настоящего, и для будущего» («Политические процессы 60-х гг.», цит. изд., стр. 118).

Что же в таком случае сближало Салиас с такими людьми, как Кельсиев? — Ее ненависть к произволу и деспотизму, к реакционным мероприятиям царского правительства. Недаром в петербургских сферах к ней относились, как к человеку, весьма неблагонадежному в политическом отношении.

В ноябре 1861 г., во время студенческих волнений, происходивших в Московском университете, в III Отделении был получен донос, обвинявший Салиас и жившего вместе с нею проф. Вызинского в том, что они возбуждают студентов к беспорядкам! «Тут, — писал анонимный доносчик, — постоянные сборища. Многие удивляются, отчего Салиас не удалят не только из Москвы, но совсем из империи» (XI, 353). Действительно, Салиас искренно сочувствовала студентам в период этих волнений.

История студенческих волнений 1861 года в Московском университете известна довольно хорошо. Вызваны они были тем, что правительство установило непосильную для многих плату за слушание лекций и лишило студентов прав, которыми они фактически пользовались ранее (право сходок, организации кассы взаимопомощи, товарищеского суда и т. д.). Сопровождались эти волнения временным закрытием университета, арестами, избиениями студентов на площади перед домом генерал-губернатора, куда они собиравлись, чтобы настаивать на освобождении арестованных товарищей. В числе арестованных были почти все ближайшие друзья Е. А. Салиаса («Ист. вестник», 1898, № 2, стр. 495).

Мать его не скрывала своих симпатий к студенческому движению. На сходку, происходившую в университетском саду, явился, по словам проф. С. В. Ешевского, «один бородатый господин», чтобы передать студентам сочувствие Евгении Тур. (С. В. Ешевский. Сочинения по русской истории. М., 1900, стр. LXXIII). Этот факт подтверждает и другой современник, добавляющий кроме того, что в комиссию, учрежденную для рассмотрения вины арестованных, явился студент Салиас и потребовал, чтобы арестовали и его. Получив отказ, он настаивал на своем желании, говоря, что «ему нельзя будет показаться на глаза матери», так как она заявила ему: «Твое место там, где твои товарищи» (П. Д. Шестаков. Студенческие волнения в Москве 1861 г.— «Русская старина», 1888, № 11, стр. 366). Феоктистов свидетельствует: Е. В. Салиас была в «отчаянии» и упрекала сына в том, что он на воле, а не в числе арестованных. Несколько успокоилась она лишь после того как узнала, что сын ее

избран одним из трех делегатов, которым студенты поручили отправиться в Петербург для передачи царю адреса с требованием освободить арестованных товарищей. Добавим, что в начале 1862 г. Е. А. Салиас в числе некоторых других студентов демонстративно покинул университет в виде протеста против исключения из университета и высылки из Москвы нескольких «зачинщиков» и «вожаков» студенческих волнений («Политические процессы 60-х гг.», цит. изд., стр. 71; Б. К о з ь м и н. Кружок Заичневского и Аргиропуло. — «Каторга и ссылка», 1930, № 8—9, стр. 75—78, 80—82).

Сохранилось два документальных доказательства сочувствия Евг. Тур студентам. Одно из них — ее корреспонденция в «Колокол» о студенческом движении и о жестоким избиении студентов, организованном московской полицией; эта корреспонденция напечатана в № 113 (принадлежность этой корреспонденции перу Салиас удостоверена Феоктистовым. См. его воспоминания, цит. изд., стр. 368). Другое — чрезвычайно резкое письмо ее к И. С. Аксакову, вызванное его статьей в газете «День», в которой, осуждались участники студенческого движения («Политические процессы 60-х гг.», цит. изд., стр. 94—97).

В ноябре 1861 г. Александр II, которому было доложено о том, что Салиас сочувствует требованиям студентов, распорядился установить наблюдение за нею и за ее сыном и предложил начальнику III Отделения рассмотреть вопрос о необходимости удалить Салиас из Москвы (XI, 353—354). Узнав в 1862 г., что его флигель-адъютант И. В. Гурко, впоследствии фельдмаршал, собирается жениться на дочери Салиас, Александр остался весьма недоволен (Е. М. Ф е о к т и с т о в. За кулисами политики и литературы, цит. изд., стр. 373—374).

Однако, хотя сочувствие Салиас студенческому движению не подлежит сомнению, оно не может служить доказательством ее революционной настроенности. В 1861 г. студенческому движению сочувствовали люди не только демократического, но и либерального лагеря. К числу либералов и должна быть отнесена Салиас.

С начала 1861 г. Салиас начала выпускать в Москве двухнедельный журнал «Русская речь». Интересна позиция, занятая этим журналом в ожесточенной полемике, которую вела в это время почти вся русская пресса, консервативная и либеральная, против «Современника», руководимого Чернышевским и Добролюбовым. Эта полемика имела большое общественное значение, ибо она знаменовала отмежевание лагеря демократии от лагеря либерализма. Какую же позицию заняла в этой полемике «Русская речь»? Ненавидевшая Чернышевского Салиас примкнула к стану врагов «Современника». Это совершенно ясно из статьи «Нечто о невежестве в нашей литературе», которой журнал Салиас откликнулся на статью Добролюбова «Из Турина» («Русская речь», 1861, № 28). Известно, как негодовали на Добролюбова российские либералы за то, что он развенчал их кумира — главу итальянского либерализма Кавура — и высмеял пьемонтский конституционализм. Автор статьи «Нечто о невежестве...» вполне разделял их негодование. «Едва ли, — писал он, — в европейской литературе найдется несколько образчиков того безобразного тона в приговорах и суждениях, которым отличаются наши так называемые публицисты». И далее, возмущаясь Добролюбовым, автор статьи не стесняется сравнивать его с Булгариным. Таким образом журнал Евг. Тур в ответственный момент классового размежевания оказался на стороне либерализма, а не демократии.

Однако это не мешало «Русской речи» быть в оппозиции к правительству и потому привлекать к себе усиленное внимание цензуры. Жалуясь на произвол и стеснения, которым подвергалась со стороны цензурного ведомства «Русская речь», Салиас писала: «Это совершенная шайка разбойников, и вы у них в руках, связанные по рукам и ногам» (Н. М. С у б б о т и н. Графиня Салиас и ее письма. — «Русский вестник», 1903, № 10, стр. 491). Когда же Салиас начала хлопотать, чтобы в «Русской речи» был разрешен отдел политических обозрений, ей было заявлено, что разрешение будет дано только в том случае, если она откажется редактировать журнал и передаст его в другие руки. Салиас вынуждена была передать официальное редактирование «Русской речи» Феоктистову, который и раньше помогал ей в редакторской работе. Правда, и после этого Салиас осталась фактическим руководителем «Русской речи» (там же).

В ноябре 1861 г. Салиас уехала за границу, где провела около десяти лет. Возможно, что свыше ей был дан «совет» добровольно покинуть Россию, но возможно, что она уехала по собственной инициативе, предвидя такое предложение.

За границей Салиас жила преимущественно в Версале. Вместе с нею уехал из России и проф. Вызинский. Убежденный польский патриот, он сошелся с парижской польской эмиграцией, с ее правым, аристократическим крылом, группировавшимся вокруг сына Адама Чарторыйского, Владислава. Вызинский получил работу в секретариате Вл. Чарторыйского и таким образом оказался в кругу тех польских эмигрантов, которые ждали свободы и независимости для своей родины не от революционной борьбы самого польского народа, а от вмешательства в польские дела правительств западных держав, в частности Наполеона III. Они не понимали и упорно не хотели понять, что, обещая помощь польскому делу, Наполеон III действовал не в интересах Польши, а в своих собственных, и отнюдь не собирался оказать полякам какую-либо реальную поддержку.

Под влиянием Вызинского Салиас прониклась горячей симпатией к Польше и негодовала на царское правительство за жестокое подавление польского восстания 1863 года. Через того же Вызинского Салиас была связана с польскими эмигрантами. «Квартира ее, — жалуется Феоктистов, — сделалась мало-помалу притоном членов народного жонда, к которым присоединились и русские выходцы» (Е. М. Феоктистов. За кулисами политики и литературы, цит. изд., стр. 55).

В гостях у Салиас встречались друг с другом люди, совершенно различные и по своим политическим взглядам и симпатиям, и по своему положению в обществе. Там можно было видеть бежавшего из Сибири М. А. Бакунина и русского посла в Бельгии кн. Н. А. Орлова. Там член центрального комитета «Земли и воли» А. А. Слепцов встречался с представителями московской знати, приехавшими пожуировать в Париж. Там бывали поляки-эмигранты и представители либеральной петербургской бюрократии, как, например, министр народного просвещения А. В. Головин. Посещал Салиас и Герцен во время своих наездов в Париж.

Однако, как мы уже отмечали, Герцен, в отличие от Огарева, не чувствовал к Салиас особой симпатии. Это явствует из писем его к Огареву. Сообщая ему, например, о своей предстоящей поездке в Версаль на обед к Салиас, Герцен добавлял: «Далеко, неудобно и будет до бесконечности скучно. Нет, она — „герой не моего романа“» (XVIII, 38).

Эти слова Герцена имеют тем большее значение, что сказаны они уже после смерти его двоих детей, т. е. уже после того, как Салиас проявила большое сочувствие к его горю, на время взяла к себе заболевшую Лизу и заботливо ухаживала за нею (XVII, 420—422). В последний раз Герцен посетил Салиас в 1870 г., незадолго до своей смерти (XXI, 552).

Надо отметить, что и Салиас порой очень неприятно отзывалась о Герцене, особенно после того, как в 1864 г. редакция «Колокола» отказалась напечатать какую-то ее статью из-за «бранчливого тона» (см. ниже письмо № 17).

Весьма резкий отзыв о Герцене мы находим в письме Салиас к известному адвокату и либеральному публицисту Е. И. Утину, написанном в 1867 г., во время восстания греческого населения Крита против турецкого владычества — в тот момент, когда в связи с этими событиями ожидалась война России против Турции. Герцен в статье «На площади св. Марка», помещенной в л. 238 «Колокола», заявил, что симпатии его, как и симпатии высказавшегося по этому вопросу Гарибальди, находятся на стороне угнетаемых турками греков и славян и что его не смутит, если освободителем этих народов выступит царская Россия (XIX, 259—260). Салиас, далекая от каких бы то ни было симпатий к славянам (за исключением поляков), прочитав статью Герцена, в негодовании писала Утину: «Герцен старый... не хочу написать этого слова... Пора в его лета понять, что энтузиазм, и то *настоящий*, а не фальшивый, совершает чудеса, воодушевляя массы на великие дела — защиту отечества, завоевание свободы и прочее в этом роде, он помогает совершать только глупости, овладевая человеком не умным, но у которого вскружилась голова от успеха, как у Гарибальди теперь. Умен он никогда не был, а теперь просто одурел... А Герцен к этой дури Гарибальди, да своего

фальшивого пафоса прибавил,— ну и вышло смешно и больше ничего» (ЦГЛА, ф. Е. В. Салиас; см. также неотправленное письмо Салиас к Бакунину от 19 мая 1867 г.— «Лит. наследство», т. 41-42, 1941, стр. 116—120).

Это письмо Салиас заставляет вспомнить об уже упоминавшейся нами статье в ее журнале, написанной в защиту Кавура от обвинений, выдвинутых против него Добролюбовым. Либерал Кавур был ей гораздо ближе и по своим взглядам, и по своему отношению к делу объединения Италии, чем вождь итальянского народа Гарибальди, сыгравший громадную роль в деле освобождения родины. Салиас побаивалась вмешательства народных масс в ход истории. Именно поэтому либерал Кавур был для нее приемлемее, ближе и симпатичнее, чем последовательный демократ Гарибальди или Герцен.

Вступив после приезда в Париж в переписку с издателями «Колокола», Салиас четко выразила свое отношение к их деятельности (к сожалению, из ее писем к Огареву найдено пока четыре. Из ответного письма к ней Огарева от 1 мая 1862 г. видно, что, по ее собственному признанию, с издателями «Колокола» ее соединяет только *«общий враг»*, т. е. произвол и деспотизм, царящие в России. Тщетно пытался Огарев уверить Салиас, что *«общего врага»* недостаточно, что необходимо иметь и *«общего друга»* и что таким другом должно быть для них обоих русское крестьянство. Его доводы не действовали на Салиас. Тщетно взывал Огарев в письме, написанном в середине июня того же года, к *«революционной струнке»*, якобы присущей Салиас, и доказывал, что она не считает себя социалисткой только потому, что *«никогда серьезно об общественном вопросе не думала»*. Салиас слишком хорошо знала себя, чтобы признать за собою несуществующую *«революционную струнку»* и столь же несуществующие симпатии к социализму. Салиас прекрасно сознавала, что она расходится с Герценом и Огаревым по принципиально важным пунктам. Социалистические идеи были совершенно чужды ей. К русскому крестьянству она, в отличие от Герцена и Огарева, относилась в высшей степени недоверчиво. Мало того, политическая активность крестьянства пугала ее. Если она и питала какие-нибудь надежды на обновление русских политических порядков, то эти надежды были связаны не с крестьянством, а с дворянством, как наиболее образованным сословием тогдашней России. «Вы верили в высшее сословие; оно оказалось подлым», — писал ей 2 октября 1864 г. Огарев. Когда же Салиас из отношения русского дворянства к польскому восстанию 1863 года убедилась, что оно всемерно поддерживает правительственную политику и что, вследствие этого, с ним не приходится связывать никаких надежд на обновление России, она совершенно разуверилась в возможности самого обновления. «Вы не верите в будущность России», — с укоризною писал ей 18 августа 1864 г. Огарев. Она и не скрывала своего неверия. «Я ничему хорошему в России теперь не верю», — писала Салиас Е. И. Утину 23 марта 1867 г. (ЦГЛА, ф. Е. В. Салиас).

Проникнутая идеями космополитизма, широко распространенными среди русского дворянства, Салиас была законченной *«западницей»*. Недаром она, по ее собственному выражению, *«пришла в восторг»* от романа Тургенева «Дым» и писала своей приятельнице А. П. Сусловой: «Этот роман доставил мне минуты наслаждения» (ЦГЛА, ф. Е. В. Салиас, письмо от 19 июня 1867 г.).

Салиас была в восторге от «Дыма», а Герцен и Огарев считали роман крупной творческой неудачей. «Роман Тургенева очень плох», — писал Герцен Н. А. Тучковой-Огаревой. «Читали ли вы „Дым“ И. Тургенева? — спрашивал он Г. Н. Вырубова. — Не стыдно ли в седине своей мастурбировать такую дрянь» (XIX, 293 и 316). Огарев же выразил свое отрицательное отношение к роману в резкой эпиграмме (она впервые публикуется в настоящем томе).

Существовал еще один пункт, по которому Салиас резко расходилась с издателями «Колокола». Раньше она относилась к религии довольно равнодушно, но в парижский период своей жизни, под влиянием посещавших ее польских аристократок, прониклась симпатиями к католицизму. Рассказывая об этом ее увлечении, Феоктистов пишет: «Она не приняла католическую веру, а усвоила себе какие-то мистические верования, какую-то особенную религию, сущность которой не поддавалась пониманию, потому что она сама неохотно говорила о ней; по возвращении графини Салиас в Россию можно

было видеть у нее на стенах множество образов, и православных и католических, наряду с амулетами, ладонками и т. п.» (Е. М. Феоктистов За кулисами политики и литературы, цит. изд., стр. 371).

Атеизм Герцена и Огарева и их материалистическая философия были чужды и ненавистны Салиас. Сообщая в 1866 г. А. П. Сусловой о своем решении перестать писать для взрослых читателей и о задуманном ею «детском романе», Салиас писала: «Пока в ходу Фейербахи, Люисы, Бокли, нам лучше писать для детей по-старинному, с верою в благое провидение, в добродетель, в справедливость, в право, в человеческое достоинство и во все то, что не есть ни мышцы, ни нервы, ни мозг. Мы, признающие дух и бессмертную душу, не годимся для русской публики, сбитой окончательно с толку» (ЦГЛА, ф. Е. В. Салиас, письмо от 31 августа 1866 г.).

Религиозные увлечения Салиас предопределили дальнейшую эволюцию ее социально-политических взглядов. Решающую же роль в этой эволюции сыграла, повидимому, Парижская Коммуна, смертельно перепугавшая Салиас.

В начале семидесятых годов Салиас возвратилась в Россию с совершенно иными настроениями, чем те, с которыми она покидала ее в 1861 г. «Вместо того, чтобы проклинать деспотизм,— пишет Феоктистов,— она только и говорила теперь о необходимости непоколебимо твердой правительственной власти; на столе ее не было места ни для одной газеты или журнала с либеральным направлением» (Е. М. Феоктистов За кулисами политики и литературы, цит. изд., стр. 371).

Если раньше Салиас относилась к Александру II, как к извергу, безжалостно подавлявшему стремление польского народа к свободе и независимости, то теперь, в 1881 г., после того как народовольцы казнили его, она стала именовать Александра II «милостивым и добрым царем». Русская пресса приводила Салиас в негодование своей недостаточной, по ее мнению, консервативностью. В 1881 г. Салиас писала сыну: «Газет читать нельзя — до того они красны, невежественны и ведут нас к пропасти. Эта пресса вся красная, без всякого элемента консервации!» («Лит. наследство», т. 39-40, 1941, стр. 260).

Не осталось следа и от былых симпатий Салиас к Польше. Теперь судьба польского народа уже не волнует ее. По иронии судьбы в последние годы жизни Салиас нередко жила в Варшаве, в бывшем дворце польских королей, где была резиденция ее зятя Н. В. Гурко, назначенного в 1883 г. на должность варшавского генерал-губернатора и призванного проводить политику руссификации Польши. Здесь, в этом дворце, и закончила в 1892 г. свои дни бывшая корреспондентка Герцена и Огарева, превратившаяся в крайнюю реакционерку и расставшаяся со своими былыми мечтами об освобождении польского народа.

* * *

Все письма Огарева, за исключением двух, опубликованных ранее, воспроизводятся по фотокопиям, хранящимся в ЦГЛА (ф. 359, ед. хр. 79). Оригиналы этих писем вместе со многими другими письмами из архива Салиас хранились в Рапперсвилльском музее в Варшаве. Четыре ответных письма Е. В. Салиас публикуются по автографам «пражской коллекции» (ЦГАОР, ф. 5770, оп. 1, ед. хр. 105 и 161).

П Р И М Е Ч А Н И Я

¹ Леонид Гроссман в своей книге «Дело Сухово-Кобылина» (М., 1936, стр. 42) утверждает, что после отъезда Салиаса из России жена «больше его не видела». Но это неверно. В письме к И. С. Тургеневу от 7 октября 1851 г. В. П. Боткин между прочим сообщал: «Вот действительно порядочная новость: к гр. Салиас вдруг неожиданно приехал муж ее и явился с разными претензиями» («В. П. Боткин и И. С. Тургенев. Неизданная переписка», цит. изд., стр. 9).

² Еще в 1830-х гг. Салиас занималась переводами. В 1835 г. в журнале «Надежда» («Телескоп», № 2—3, был напечатан ее перевод «Путевых впечатлений» А. Дюма.

³ М. К. Лемке неправильно датировал это письмо 1859—1860 гг. Действительная дата письма устанавливается при сопоставлении его с цитируемым ниже ответным письмом Огарева.

1

1 мая <1862 г.>. Orsetthouse, Westbourne terrace. Paddington

Что же это как я вам долго не отвечаю на ваше доброе письмо, друг мой? Чай вы меня побранили. Да и я себя побранил. Что-то не хотелось писать, был постоянно глуп и ничего путного не думал и не делал, справлял корректуры и разные мелкие тупоумные работы, так что стал внутренне пуст. Голова постоянно точно свинцом налита. Я начинаю стариться; нервная хворость усиливается и томит. Все это очень некстати, потому что еще дела немало.

Моя французская брошюра, которая, я думал, выйдет в марте, выйдет только на следующей неделе¹. Печатают страшно долго, и поправлять надоело до смерти. Как выйдет, пришлю вам. В вашем письме меня одно огорчило: вследствие несовершенного согласия с нами, вы говорите, что мы всё же соединены во имя *общего врага*. Нет, этого мне мало, друг мой. Если вы мне протянули руку, если я могу смотреть на ваш портрет и на Женни² со всей любовью брата, к какой я только способен, то мне надо, чтоб мы шли не во имя общего врага, а во имя общего друга. А мой друг — крестьянство и то начало иного понятия о праве собственности, которое не имеет корня в Европе. Если мы на этом с вами не расходимся, то мы ни в чем не разойдемся...

Нет, решительно не могу писать сегодня о матерях важных. Тучки бродят, гроза будет, в воздухе электричество, и, следственно, мне физически невыносимо и тяжело. Я пишу только потому, что не хочется откладывать дольше. Хочется сказать вам, как я рад буду вас видеть и показать вам Лизу³. Я думаю около 20 мая отправить их к морю, по предписанию медика и потому что в Лондоне душно. Сам останусь здесь и буду только навещать их у моря; мне мудрено совсем выехать из Лондона дела ради, а куда бы хорошо было для здоровья и отдыха.

А когда Маша⁴ приедет? А где Женни?

Не повредим им, напечатав, как ссылали маленького Кельсиева? Я думаю — нет⁵. Напишите об этом сейчас. Не прижмет ли его пуще губернатор? Страдать ничего не сделавши, да еще мелко страдать — так же глупо и несносно, как легко вынести страдание, если оно производит влияние.

«День» мы получаем редко. Об Акс<аков>е in re* Польши Герц<ен> уже писал⁶. Мне жаль — я люблю Аксакова за какую-то своеобразную чистоту убеждения, а идти приходится врозь. Он вдается в завоевательный панславизм вместо освобождающегося славянства, и собственно руссофилы и лезут в точку зрения незабвенного⁷, заменив абстракт самодержавия абстрактом Руси. Мудрено нам писать, когда никто не имеет права отвечать. Да еще одно: у вас там мелкая литературная дрязга, кажется, стала выше всех общественных интересов⁸. Это досадно, но я принимаю это за мимоходное явление, которое пройдет, как скоро реальное дело начнется посерьезнее.

Напишите, нет ли известий об отмене телесных наказаний⁹. Журналы до 29 апр<еля> говорили об этом с красноречием, а как прошел день торжества, т. е. 17/29 апр<еля>¹⁰, то ни единой телеграммы.

Скоро пришлю вам мою визитную карточку, т. е. фотограф<ию>, на той неделе, показать вам, что и я не помолодел, и напомнить вам старого друга.

До свиданья же. Я вас жду.

Все мы ждем вам руку.

Когда ж вы будете? — напишите.

* относительно (англ.).

¹ «Французской брошюрой» Огарев именует свою книгу — «Essai sur la situation Russe. Lettres à un Anglais» — «Очерк положения в России. Письма к англичанину», — вышедшую в Лондоне 8 мая 1862 г. Отрывки из этой книги были напечатаны в «Колоколе» (дл. 128 и 129, от 8 и 15 апреля 1862 г.).

² Женни (или Дженни) — сын Е. В. Салиас, Евгений Андреевич Салиас де Турнемир, впоследствии небезызвестный беллетрист, автор исторических романов.

³ Лииза — дочь Герцена и Н. А. Тучковой-Огаревой.

⁴ Маша — Мария Андреевна Гурко, дочь Е. В. Салиас.

⁵ Речь идет об Иване Ивановиче Кельсиеве (1841—1864), видном участнике московского студенческого движения 1861 года и революционных кружков. Арестованный в 1861 г. И. Кельсиев во время написания этого письма находился в ссылке в г. Верхотурье Пермской губ. В мае 1863 г. Кельсиев бежал за границу, жил вместе с братом, Василием Ивановичем, в Тульче, где и умер. В листе 134 «Колокола», в отделе «Смесь», напечатана заметка «Студент И. Кельсиев и шайка разбойников-бюрократов». Заметка эта была перепечатана из № 3 журнала «Правдивый», издававшегося в Лейпциге кн. П. В. Долгоруковым, где она появилась под названием «Письмо из Москвы». В заметке говорилось, что, отправляя Кельсиева в ссылку, начальство не дало ему возможности собраться в далекий путь; он ехал в легком пальто и без денег. Повидимому, об этой заметке и идет речь в письме Огарева, хотя и непонятно, чем вызваны опасения Огарева, что переписка может повредить детям Е. В. Салиас.

⁶ «День» — еженедельная славянофильская газета, издававшаяся И. С. Аксаковым в Москве с 1861 г. по 1865 г. Об отношении Аксакова к польскому вопросу Герцен, считая несвоевременным выступать открыто против Аксакова, еще не писал в это время ни в «Колоколе», ни в других своих изданиях. Поэтому надо думать, что Огарев имел в виду те критические письма-отзывы на «День», которые Герцен посылал непосредственно И. Аксакову. Одно из этих писем (№ 2) напечатано в т. 39-40 «Лит. наследства», 1941, стр. 250—252.

⁷ Незабвенный — так после смерти Николая I называл его в официальных актах Александр II. Разумеется, издатели «Колокола» употребляли этот эпитет применительно к Николаю I в ироническом смысле.

⁸ Говоря о «литературной дрязге», Огарев имел в виду ту полемику, которую вели в 1861—1862 гг. «Отечественные записки» и другие органы либерального направления против «Современника» и руководителей его — Чернышевского и Добролюбова. Подробно об отношении к этой полемике Огарева, не разобравшегося в ее глубоко принципиальном характере, см. в напечатанном в наст. томе его письмо к Альбертини и в комментариях к нему.

⁹ Вопрос об отмене телесных наказаний усиленно обсуждался в это время русской прессой в связи с запиской, представленной в конце 1861 г. царю русским послом в Бельгии кн. Н. А. Орловым. Орлов настаивал на отмене телесных наказаний. Обширные выдержки из этой записки, а также из «слова» митрополита Филарета в защиту розог и шпицрутенгов были напечатаны в статье «Кн. Орлов и Филарет митрополит» («Колокол», л. 130, от 22 апреля 1862 г.).

¹⁰ 17/29 апреля — день рождения Александра II.

2

<Лондон.> 9 мая <1862 г.>

Пишу вам вторых несколько слов, друг мой. Посылаю вам всё, что могу, т. е. 200 франк(ов), или 8 фунт(ов) ст(ерлингов). Вы их при следующем письме и получите. Сходите сами; это проще и скорей. Кстати, я выручил маленькое пособие за мою брошюру¹. Когда вам пришлют, т. е. в продолжение лета (не то, чтоб стесняя себя), отдайте. Я только что концы с концами свожу, сводя жизнь на елико возможную умеренность. Что я не практический человек, в этом я каюсь, но так как мне все же легче понять практический мир, чем найтись в нем в жизни с выгодой для себя, то я вам сообщу все, что понял о Лондоне: со времени great exhibition* квартиры, которые стоили 2½ фунт(а), стоят 5 и 6 фунт(ов). Горячка продлится до конца июля, а там все придет в свое русло. Итак, лично я бы вам сказал: приезжайте завтра, а по расчету должен сказать: выждите горячку. Если у вас есть горничная, то есть вам нужны 2 спальни (одна — master'y**, а другая — servant'y***) и маленькая гостиная, — вы теперь

* большой выставки (англ.).

** хозяину (англ.).

*** слуге (англ.).

заплатите 2 или $2\frac{1}{2}$ фунта в неделю, а обычно 1 ф<унт>. Стало, теперь вам надо прожить в неделю не менее 5 или 6 фунт<ов> (125—150 франк<ов>), а обычно фунта три. Об отелях я и не говорю — это грабеж. Стало, вот

ОГАРЕВ

Силуэт 1840-х гг. с дарственной надписью Огарева Е. В. Салиас де Турнемир:
«A Madame la Comtesse Sailhas Tournemire». Nicolas Ogareff»

Литературный музей, Москва

как рассудите: если у вас есть на прожиток 150 фр<анков> в неделю плюс расход на проезд, на путешествие, то приезжайте смело; если нет — то выждите горячку. Во всяком случае, вы мне до приезда напишите за неделю или дней за 10, чтоб я мог посмотреть квартиру и учредить подешевле и поспокойнее.

В понедельник я отправляю своих к морю². А сам в мае поспляюсь пешком по окрестностям. Я, когда только могу, стараюсь избегать железной дороги, потому что голова кружится до... если не обморока..., то до чувства невыносимого страдания. Стало, мне уже и для того нужно заранее знать, когда вы приедете, чтоб не быть в это время в отлучке.

Посылаю вам мою старую физиономию. Книгу мою посылаю тоже сегодня. Крепко жму вам руку и иду на почту.

¹ Речь идет о французской книжке Огарева, указанной в примеч. 1 к предыдущему письму.

² Герпен, Н. А. Тучкова-Огарева с Лизой и младшими детьми в начале мая уехали на летние месяцы на остров Уайт, куда приезжал к ним на время и Огарев.

3

Orsetthouse. Westbourne terrace. Четверг <19 июня 1862 г.>

Пишу сегодня, хотя письмо пойдет только завтра. Приехавши с Isle of Wight*, был завален работой и оттого не отвечал.

Ну, спасибо и тысячу раз спасибо вам, друг мой, и за присланное с Писемск<им>¹ и за тройцу², на которую я получил повестку, а больше всего за письмо, которое пришло с поясками и туфлями. Спасибо вам за старую дружбу, которая тепло переходит на детей.

Вот эту-то струну благородной сердечности я и люблю в вас; присоединенная к ней революционная струнка вас спасает в жизни от промахов, в которые впадает глубокомысленный доктринаризм, заменивший и то, и другое, т. е. сердце и революционную струнку, книжным построением прусской Philosophie der Geschichte**. Тем не меньше мне было грустно, что вы мою книжку сочли годной для иностранцев³. Подумайте хорошенько и увидите, что она годна только для русских, а иностранцы в ней ничего не поймут на том основании, что «Du gleichst dem Geist, den du begriffst» *** («Фауст»).

Подумайте хорошенько, и вам не покажется, что все то, что в моей книжке, вам самим очень знакомо. Зачем вы говорите: «ведь я не социалист» и пр. Друг мой, ведь вы никогда серьезно об общественном вопросе не думали; станете думать или нет — я этого не знаю; знаю только, что благородное сердце и революционная струнка вас спасут. О боге я спорить не стану; я проповедую веротерпимость. Я не вижу поэзии в неопределенных самоутешениях, а только слабодушие. Я теоретический вопрос ставлю очень высоко; он страшно важен, он d'emblée**** очерчивает весь кругозор, но я дошел до веротерпимости на пути практическом и на необходимость! общественного развития данными средствами, а не просто путем разума. Но лучше об этих вещах не говорить, благо есть почва личной привязанности и одинакого общественного негодования...

Что сказать вам о письме Женни? Я не думаю, чтоб русский Молинали — Горлов практиковал в направлении 3-го Отделения, но притеснительные вопросы его так из рук вон глупы, что я полагаю, что Горлов так действовал только потому, что он — Молинали, т. е. тупорожденный⁴. Но все это скучно. И все же Женни прав: зачем вы его толкали в кандидатуру? Он остался бы хорошим человеком и без казенно-ученого диплома. Что диплом ему не поможет быть мировым посредником, это вы увидите из того, что хорошие мировые посредники гуртом идут в отставку⁵. Мое предсказание сбывается: в этом положении хорошие посредники, подразив

* острова Уайта (англ.).

** философии истории (нем.).

*** «с тобою схож лишь дух, который сам ты познаешь...» «Фауст» (ч. I, перев. Б. Пастернака).

**** сразу (франц.).

народ возможным приблизительным правосудием, вынуждены будут идти в отставку и оставить народ, настроенный на новый лад, с старым помещичеством и посредниками-взяточниками. Как революционный фермент — оно куда ни шло, но только это тяжело. Стало, и тут Женни нечего искать карьеры. Пусть ему собственное чутье укажет бездипломную дорогу. Велите ему только беречь здоровье, пока жизнь его может быть полезна. От этого я перехожу к вопросу вашего приезда в Лондон. Вы на 4 месяца зимних в Лондоне! Нет, друг мой, этого вы не выдержите. *Мне дышать нечем* в лондонском воздухе, а вам, да и Женни, зимний сезон будет положительно вреден. Поверьте — лучше приехать в сентябре и прожить до конца октября, обычно это лучшее время. Что вы не приехали теперь — это, может, счастливо, потому что холод, как в марте, дождь и сырая мгла постоянны. В Вентноре был такой холод, что я всех своих перевез в Cowes⁶, северо-западный, но закрытый от ветров берег острова. Как назло нынешний год самый ужасный из моего 6-летнего пребывания в Англии. Но, судя по средней влажности температуры, осень будет хороша, и мой совет — прожить в Англии *осень, а никак не зиму*.

В России вот что: пожары и Петербург в осадном положении⁷, т. е. 4 генерала в 4-х частях города имеют право судить военным судом в 24 часа. Вчера в Ливерпуле пришла телеграмма от английского негодянина из Петербурга, чтобы остановить его корабли, готовые к отплытию в Россию, потому что дела в России не такие, чтоб рисковать привозом товаров. Курс упал на 1 пенни.

Смутно, тяжело и смрадно это время. Я уверен, что пожары приведут к реакции, заставят высшее сословие порешительнее отказаться от своих прав, чтоб народ не считал их за поджигателей и чтоб иметь возможность сойтись с народом так, чтоб *вместе* требовать земского собора⁸. Без этого сближения, во имя отречения от сословных прав и общего собора правительством всегда наплюет на всякие конституционные попытки и адреса, чтоб факты доказывают и будут доказывать.

Пояс Лизе отправляю завтра; а троицу на той неделе. Вы не можете поверить, а, может быть, напротив вполне можете поверить, как ваше участие к Лизе идет мне до сердечного дна. Жму вам руку. Прощайте.

На полях:

Хорошо было бы, если б я Кельсиеву⁹ не написал из Вентнора о ваших деньгах: Трюбнер¹⁰ *забыл** их послать! что касается до моих. *то когда вам будет легче*** — вышлите через какого хотите банкира.

Приписка рукой Герцена:

Позвольте и мне поблагодарить вас за русские гостинцы.

¹ А. Ф. Писемский, усердно добивавшийся свидания с Герценом, летом 1862 г. приехал в Лондон. Свидание их состоялось 19 июня, которое приходилось в этом году на четверг. Этим и определяется дата настоящего письма Огарева. Перед приездом в Лондон Писемский побывал в Париже, где встретился с Е. В. Салиас, которая послала с ним «гостинцы» Герцену и Огареву.

² Троица — повидимому, какой-то коллективный портрет.

³ О книжке Огарева см. примеч. 1 к письму № 1.

⁴ Вышедший в начале 1862 г. из Московского университета Е. А. Салиас, уступая настойчивым требованиям матери, переехал из Москвы в Петербург и начал сдавать экзамены при Петербургском университете, добиваясь получения диплома и звания кандидата наук. На экзамене по статистике экзаменовавший его проф. И. Я. Горлов, по словам Е. А. Салиаса (см. его письмо к матери от 19 мая 1862 г. в ЦГЛА, фонд 447, № 19) всячески придирался к нему, задавая вопросы, «об которых в курсе и поминует», и поставил ему отметку — три. Тройка исключала возможность сдавать экзамены дальше. Вскоре после этой неудачи Салиас, прекратив сдачу экзаменов, уехал к матери за границу.

* В подлиннике слово подчеркнуто двойной чертой.

** или: легко. — Примеч. Огарева.

Иван Яковлевич Горлов (1814—1890) — профессор Петербургского университета, представитель вулгарной политической экономии, открыто защищавший в своих работах, не имевших научного значения, буржуазный строй. Густав Молинали (1819—1912) — бельгийский экономист, апологет буржуазного строя, в 1860 г. приезжавший в Россию для чтения публичных лекций. С этого времени Молинали сделался постоянным сотрудником «Русского вестника» и использовал страницы катковского журнала для клеветы на социализм и революционное движение.

⁸ В № 20 «Современной летописи» за 1862 г. была помещена статья о мировых посредниках. «Мировые посредники покидают свои места, — говорилось в статье, — мировые посредники выходят в отставку, — вот что мы слышим с разных сторон... Правда ли это? Действительно ли мировые посредники выходят в отставку? Что такое движение есть, это мы видим, но еще можно сомневаться в размерах, которые придадут ему торжествующие повествователи этого события». Далее автор статьи объяснял, что причиной отставки многих мировых посредников является вражда к ним со стороны помещиков, обвиняющих посредников в том, что они будто бы недостаточно энергично защищают дворянские интересы и потакают крестьянам. Эта статья обратила на себя внимание Герцена и Огарева.

⁹ *Вентнор* и *Coves* — местечки на острове Уайт; первое — на южном, а второе — на северо-западном берегу острова.

⁷ Речь идет об опустошительных петербургских пожарах 1862 г. Как известно, правительство распространяло провокационные слухи о том, будто жгут город революционеры. Вызвав панику среди обывателей, правительство подготовило благоприятную почву для таких реакционных мероприятий, как закрытие воскресных школ, приостановка на восемь месяцев журналов «Современник» и «Русское слово», аресты Чернышевского, Серно-Соловьевича, Писарева и других участников революционного движения.

⁸ Огарев в 1862 г. был увлечен мыслью о мобилизации общественного мнения вокруг выработки и подачи царю адреса с требованием созыва Земского собора, который определит будущее устройство России. Огарев надеялся, что такой адрес найдет поддержку в разных слоях русского общества, не исключая и дворянства.

⁹ Василий Иванович Кельсиев.

¹⁰ Николай Трюбнер (1817—1884) — лондонский издатель и книгопродавец. Он взял на себя распространение изданий Герцена и, пользуясь советами и указаниями Герцена и Огарева, сам издавал русские книги. О каких деньгах Салиас, которых Трюбнер не высылал, идет речь — определить трудно.

4

⟨Лондон.⟩ 8 июля ⟨1862 г.⟩

Много прошло времени с тех пор, как я получил ваше письмо из Спа. Я успел побывать и на Isle of Wight у семьи, успел воротиться в Лондон и работал во все лапы. «Колокол» я вам послал. Скоро пошлю другой, где вы найдете статью Герцена, лучшую его статью, которая может послужить вам ответом на ваше письмо к нему¹. Слабые вы люди, старый друг мой, фантазирующие человечество по своей фантазии, называющие «неблагодарною землею землю, столько зол взрастившую, столько беззаконий терпевшую, столько крови пролившую» (это из вашего письма ко мне), как будто есть где-нибудь земля, в которой бы история шла иначе, не путем безумий и кровопролитий, а каким-то углаженным поссе, — не результатом борьбы и столкновений элементов и сил, а какой-то наперед рассчитанной канителью! Вам горько, что стадный плотоядный зверь кровожаден, да и мне горько, только что это факт, против которого мы бессильны; всё, что мы можем делать, — это настолько разяснять вопросы, чтоб взгляд на вещи становился яснее и борьба достигала бы цели определеннее, следственно легче, следственно мягче. Не удастся ли когда-нибудь изменить физиологическое построение породы так, чтобы понимание было развито у всех настолько, чтоб можно было *столковаться* о лучшем общественном устройстве, прийти к всеобщему сознательному *contrat social**, — этого я не знаю, да и никто не знает. Стало, ожидать, чтоб ход развития человеческого вообще, и русского — в особенности, катился по маслу, было бы несбыточной утопией. Личной задачей остается — не терять сочувствия к страданию и не пугаться перед совершающимися событиями.

* общественному договору (франц.).

Что вы будете дальше делать, когда обстоятельства станут всё резче и резче ставиться острыми краями друг к другу, а предотвратить этого нельзя, даже ударившись в чичеринскую централизацию, что вы станете дальше делать, когда вы пугаетесь пустой прокламацией и обычного огня и готовы перейти к обвинительным актам Катковых², которые лезут присоединиться к обвинительным актам 3-го Отделения. Стыдитесь, старый друг мой! Имейте храбрость смотреть действительности в глаза, не создавая себе утопии истории в виде подушки, набитой клыками плотоядного зверя, но мягкой, как пуховая.

Не видел я эффекта, произведенного троицей на Лизу. Посылаю вам письмо Натали³ об этом, которое получил вчера. Надо вам сказать, что я троицу достал только в конце прошлой недели, показал Ольге; Тата⁴ подклеила головки и отправили мы троицу в Cowes. Вы говорите о маленьких детях⁵, как о кусках мяса. Позвольте: другая дочь — Елена — имеет такой умный вид, что я не надивлюсь на нее, точно большой человек в маленьком размере. Мальчик поплосе, но добродушен и влюблен в сестру, а та, как следует большому человеку, — сама по себе и не замечает.

Вот и ваша Оля идет замуж⁶. Скажите ей, что я искренно желаю ей счастья. Какой же это Жуков? Знаете ли вы его? Есть ли вероятности жизни сердечной и спокойной?

Кстати, к Жуковым, друг мой. О своих деньгах вы не хлопчите, если через три месяца <или> около отдадите, то мне будет ко времени⁷. Но не удастся ли вам стянуть с Жуковых 2500 руб. ассигн., которые они мне должны. Не говорю о процентах, но за капитал ручался ваш отец, я ради него и дал займы и ради него никогда не протестовал. 10-летняя давность по закону прошла, а по правде тут давность ничего не значит. Если можно — стяните, это мне бы очень кстати пришло.

Ну, прощайте, — на скверном месте письма зовут завтракать. Не хотел бы я останавливаться на денежных отношениях, но голод и время заставляют кончать. Жму вам руку.

Ваш Огарев

Есть ли у вас последний выпуск «Полярной звезды»?⁸ Если нет, то я пришло.

Приписка рукой Герцена:

Благодарю вас за ваше письмо; странное дело, что я его получил именно в то время, как писал для «Колокола» на него ответ, — исправнее нельзя и быть, как писать длинный ответ за день до получения. Вы увидите в нем (стат<ья> под заглав<ием>) «Молодая Россия и старая Россия» в след<ую>щем листе) наше глубокое мнение и откровенное и о юношеской запальчивости и о эпидемическом страхе.

Мне Клячко⁹ говорил о подобном переводе Пиотровского¹⁰ и друг<их> — о том же переводе вы пишете или нет? Трюбнер не хочет издавать, издавать на свой счет мы не можем. Но сделаем все возможное для облегчения или сбыта. — Бакунин далеко не так Грахх Бабеф, как вы думаете, да если б и так был — на меня ни он, ни кто другой не может иметь влияния в направлении. Ведь мне 50 лет.

Потрудитесь справиться на почте с «Колок<оле>» от 1 июля — там статья «Концы и начала» по поводу «Отцы и дети» Тург<енева>¹¹.

¹ Огарев говорит о статье Герцена «Молодая и старая Россия», которая появилась в «Колоколе» (л. 139, от 15 июля 1862 г.) и была посвящена прокламации «Молодая Россия», петербургским пожарам 1862 г. и реакционным мероприятиям русского правительства.

² Говоря об «обвинительных актах», Огарев имеет в виду статьи Каткова с резкими и клеветническими нападками на издателей «Колокола»: «Заметку для издателя „Колокола“» («Русский вестник», 1862, № 6) и статью о петербургских пожарах, помещен-

ную Катковым в «Современной летописи Русского вестника», 1862, № 23. В этих статьях Катков обвинял Герцена и Огарева в том, что они являются вдохновителями пожаров.

³ *Натали* — Н. А. Тучкова-Огарева.

⁴ *Ольга и Тата* — дети Герцена.

⁵ *Маленькие дети* — близнецы, дочь и сын Герцена и Н. А. Тучковой-Огаревой, Елена и Алексей, родившиеся в 1861 г.

⁶ *Оля* — О. А. Салиас, вышедшая в 1862 г. замуж за помещика К. Н. Жукова, бывшего в то время мировым посредником.

⁷ Из этого письма, как и из других, видно, что Салиас, постоянно испытывавшая нужду в деньгах, брала деньги взаймы у Огарева.

⁸ *Последний выпуск «Полярной звезды»* — 2-й выпуск 7-й книжки «Полярной звезды», Лондон, 1862.

⁹ *Юлиан Клячко* (1827—1906) — польский эмигрант, публицист, живший в Париже. Принадлежал к партии «белых» и заведывал дипломатической канцелярией Владислава Чарторыйского.

¹⁰ *Руфин Пиотровский* — участник польского восстания 1830 года. После подавления восстания эмигрировал во Францию и принадлежал к демократической части польской эмиграции; по ее поручению в 1843 г. Пиотровский тайно, в качестве эмиссара, отправился в Россию, где был арестован и осужден на каторгу. Работал на Екатерининском заводе; в 1846 г. бежал оттуда и, через Архангельск и Ригу, добрался до Парижа. В 1863—1866 гг. Пиотровский состоял секретарем Парижского народного комитета, объединявшего временно «белое» и «красное» крылья польской эмиграции. В 1862 г. Клячко опубликовал в «Revue de Deux Mondes» извлечение из записок Пиотровского и предложил Герцену сначала сам, а затем через Салиас, издать записки Пиотровского на русском языке. Герцен посвятил запискам статью «Руфин Пиотровский» («Колокол», лл. 135 и 136, от 1 июня и 15 июня 1862 г.), но не принял на себя издание их. Трюбнер тоже уклонился от издания записок. Тем не менее в 1863 г. записки были изданы по инициативе Герцена бернской русской типографией с фиктивным обозначением места издания и типографии («Записки Руфина Пиотровского. Россия и Сибирь. 1843—1846». Norrkoeping, 1863). Подробно об этом см. в моей статье «Герцен, Огарев и „молодая эмиграция“» («Лит. наследство», т. 41-42, 1941). Русскому переводу записок Пиотровского было предпослано предисловие за подписью «Великоруссы». Об этом предисловии идет речь в последующих письмах Огарева к Салиас; это дает нам право высказать предположение, что Салиас была в какой-то степени причастна к написанию или к пересылке этого предисловия.

¹¹ Статья Герцена «Юнцы и начала» была напечатана в «Колоколе», лл. 138, 140, 142, 144, 145, 148, 149, 154 и 156.

5

〈Лондон.〉 8 сентября 〈1862 г.〉

Письмо ваше от 2-го сентября получено, друг мой, только никакой рукописи и никакого предисловия¹ мы до сих пор не получили. Когда получим, все будет сделано елико возможно к вашему удовольствию. Также не получили и известий о варшавских событиях из того же источника.

Ужасно голова тяжела. Поеду завтра в деревню на несколько дней погулять, т. е. поработать на свободе. Дела куча, насилию поспеваешь и устаешь. Старость пришибает. Зато молодые подростки хороши. Лиза и вся семья воротились с острова; Лизе было 4 сент〈ября〉 4 года. Она в последнее время много поумнела и чрезвычайно мила. Ее светлые глаза меня бесконечно радуют. Зимой, я думаю, все поселимся за городом; лондонский воздух в самом деле невыносимо тяжок. Да и поспокойнее вне города.

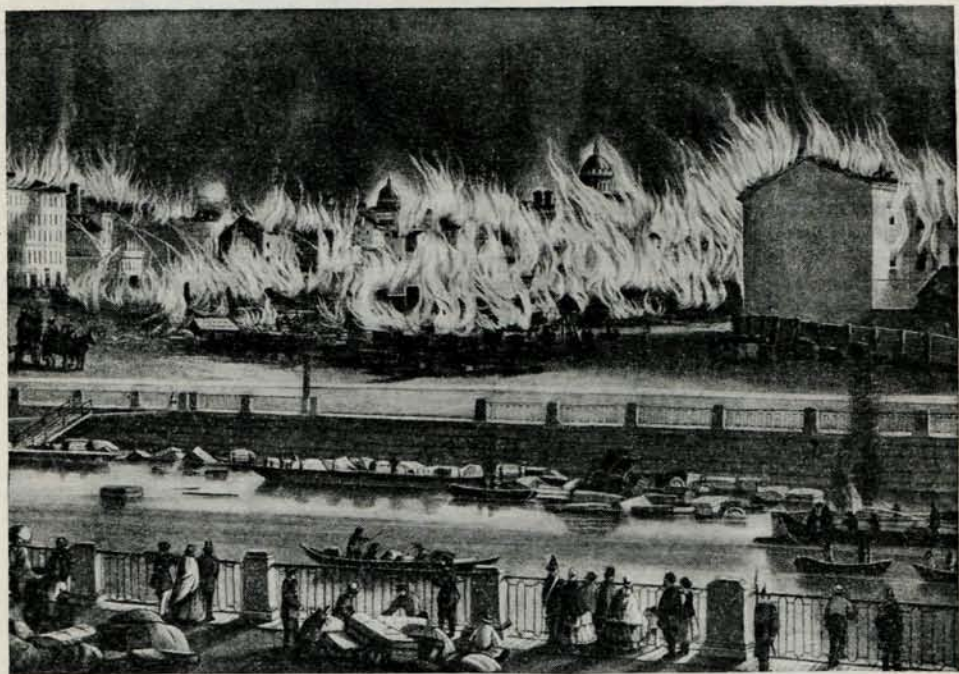
Юр. Голицын² уехал в Россию. Я думаю, что он сильно виноват перед собственной совестью за всю русскую жизнь, но, кажется, что он это и чувствует. Это дикая, страстная, неразвитая натура, и потому все дурное русское в нем отразилось; но он не злой человек и с большим музыкальным талантом. По крайней мере, он один из лучших chefs d'orchestre *, каких я встречал. Я думаю, он лучше, чем о нем вообще думают, а если он действительно пришел к покаянию и поддержится на этом, то я ему многое отпущу. Только я мало верю в перемены людей; по крайней мере, я из опыта не могу заключить, чтоб кто-нибудь менялся в характере и складе жизни после того возраста, когда прекращается рост организма. И если

* дирижеров (франц.).

не «каков в колыбельке, таков в могилку», то наверно что как вырос, так и пошел повторять сам себя до последней минуты.

Что же вы делаете в Наугейме? Ведь, чай, там скучно! И воды скучны, и немцы скучны да и природа, слишком убранная, надоедает. Вся жизнь как-то выражается вязанием чулка за стаканом вейсбира. Идиллия глубокомысленного тупоумия!

Какие известия у вас от детей? Где и что Дженни? Обнимите их всех за меня. С чего вас тошнит ехать в Россию? ³ Я бы дорого дал, чтоб попасть туда, и если бы пришлось сломать себе шею не без пользы для дела, то тотчас бы поехал.

ПОЖАР 28—29 мая 1862 г. в ПЕТЕРБУРГЕ
Раскрашенная литография, современная событию
Исторический музей, Москва.

Катков или Катъков (так называемого принц Very дик) ⁴ вхо дит в милость у начальства. Я ненавижу его направление, а его я презираю и потому лично на него не сержусь. А как направление и как пошлого подлеца, русская литература должна бы по нем хлопнуть хоть у Блюммера ⁵. У нас и нам не приходится.

Напомните обо мне в России тем, кто меня помнит и кого я помню, да поклонитесь подросткам.

Крепко жму вам руку... до свиданья. Тоже и Герцен, у которого хлопот полон рот; от этого и оттого, что мне сердечно хотелось к вам писать, я и взялся отвечать вместо него. Откладывать послание мы уже боялись, — как бы вы не уехали...

Ваш О г а р е в

¹ О «предисловии» см. примеч. 10 к предыдущему письму.

² Юрий Николаевич Голицын, кн. (1823—1872) — известный дирижер, организовавший в сороковых годах из своих крепостных хор, с которым давал концерты

в Москве и Петербурге. В 1858 г. правительству стало известно, что Голицын находится в сношениях с Герценом и снабжает его литературными материалами. Голицын был выслан в Козлов, откуда он в 1860 г. бежал за границу. Давал концерты в Лондоне. В 1861 г. испросил разрешение на возвращение в Россию. Герцен в «Былом и думах» посвятил Голицыну особую главу.

³ Салиас писала Огареву, что реакция, все более и более крепнущая в России, делает для нее непереносимой мысль о возвращении на родину.

⁴ *Veryдик* — кн. Петр Владимирович Долгоруков (1816—1868), известный эмигрант, в 1862—1863 гг. издавал на французском языке журнал «Le véridique» («Правдивый»). Это и дало Огареву повод шутливо называть его «принц Veryдик» — игра слов: *very* (англ.) — «очень» и русское «дик».

⁵ Леонид Петрович *Блюммер* (1840—1888) — публицист, в 1861 г. уехавший за границу и издававший там несколько журналов, оппозиционных к царскому правительству. В 1864 г. П. В. Долгоруков печатно обвинил Блюммера в том, что тот — агент русского правительства. Документальных доказательств, подтверждающих обвинение Долгорукова, в архивах до сих пор не обнаружено. В 1865 г. Блюммер получил разрешение возвратиться в Россию. Было ли приведено в исполнение желание Огарева «хлопнуть» по Каткову в журнале Блюммера, сказать трудно. Быть может, помещенная в журнале «Свободное слово» (Берлин, 1862, т. I, вып. 7 и 8, стр. 582—586) заметка «Голоса общественного мнения о Герцене и Каткове», которой предпослано несколько слов «От редакции», находится в некоторой связи с этим намерением. Заметка эта была посвящена травле, поднятой против «лондонских изгнанных» Катковым. И автор заметки, и редакция указывали, что полемизировать с Катковым, не теряя своего достоинства, нельзя, ибо нельзя же «возражать на площадную брань. К тому же в причастность Герцена к петербургским пожарам никто не поверит». В заметке приводились между прочим слова о Герцене одной старушки-горничной, жительницы Тульской губ.: «Совсем у нас перестали сечь с той поры, как читают листики Александра Ивановича. Дай ему бог здоровья, нашему родному батюшке. Прикажу детям и внукам за него бога молить». В редакционном предисловии было напечатано стихотворение, подписанное редакцией:

Избави, боже, Искандера
(Нам слишком дни его милы)
От пошлой брани доктринера
И покровительства «Пчелы».

Автор стихотворения имел в виду статью «Северной пчелы» о племени Каткова с Герценом; издатель «Колокола» с некоторыми оговорками был взят «Пчелой» под защиту от клеветнических выпадов Каткова.

6

〈Лондон.〉 29 сентября 〈1862 г.〉

Вероятно, вы всё еще в Наугейме, мой старый друг, потому что из России деньги не могут придти иначе, как гораздо позднее, чем ожидают; мало ли что мешает — тысячелетие, рекрутство, 60-летие министерства внутренних дел и пр. и пр.¹ — Я к вам писал недавно коротенькую записочку, по той же okazji, по которой вы мне прислали письма... Умоляю вас на эту записочку обратить все ваше внимание и все старание.

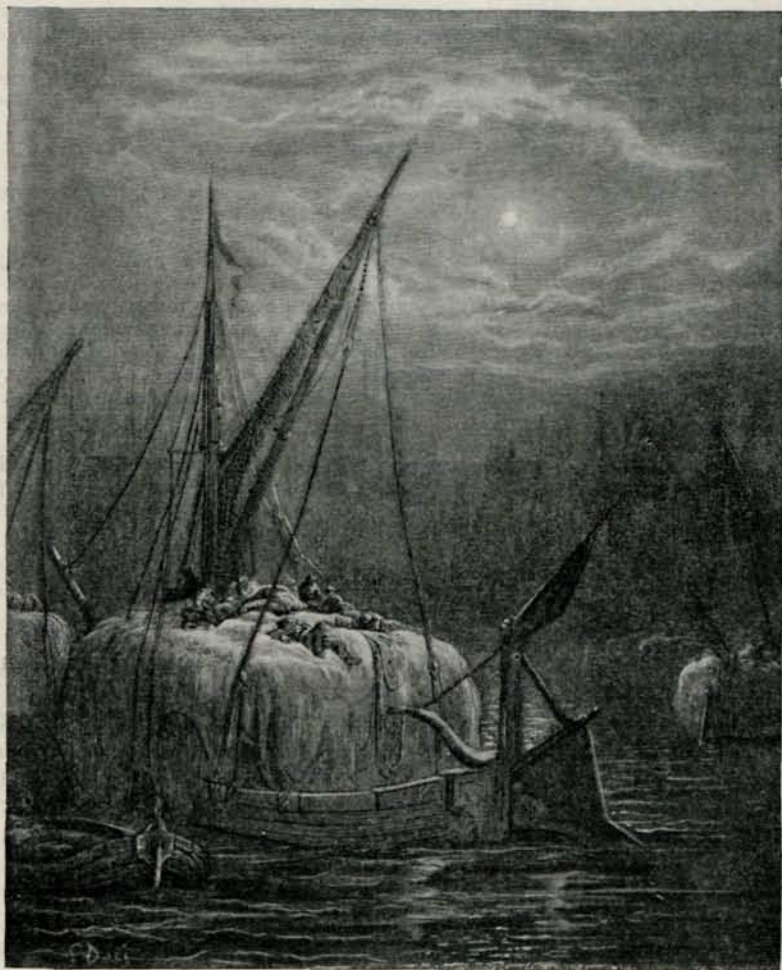
Ваше последнее письмо я получил в Севеноксе (Seven oaks, Kent), где я прожил один дней десять, написал маленькую поэмку² и возвратился в Лондон и был так занят, что до сих пор не собрался вам писать.

Итак, ваша мать умерла!³ Может, между мной и ею не было ничего общего, но дайте мне ее помянуть теми воспоминаниями, которые остались в памяти тепло и мирно. Было время, когда мне казалось, что она имеет ко мне бесконечную дружбу, и мне хотелось оставаться под впечатлением какого-то материнского участия. Помню, как я лежал, едва очнувшись от горячки, во время кори⁴. Она пришла ко мне с Соней⁵, — а вы были за границей, — мне стало как-то так светло на сердце от этого посещения, что я и сказать не сумею. И теперь я ее помню именно в эту минуту, и мне ее бесконечно жаль, жаль, что не увижу больше, жаль, что она, может, давно обо мне позабыла. — Ну, да что об этом!

Перевод и предисловие⁶ пришли. Кое-что можно и повычеркнуть, а впрочем — вы только сами никому не говорите, — а из нашего брата огнем не вышибешь того, что не должно быть сказано.

Вы сердитесь на московских или на русских литературных людей вообще. Я слишком презираю их, чтобы сердиться. Я думаю, что литература покончила свое дело впредь до возобновления. А в возобновление русское я верю из других данных, из положения вещей, из того, что непрочное равновесие держаться не может. В Европе я тоже не обретаю литературы и тоже не сержусь, а презираю; тут уже и Жаверы ⁷ пошли в герои.

ЛОНДОН. БАРКИ НА ТЕМЗЕ
Гравюра с рисунка Г. Доре, 1872 г.

Вчера был митинг, в Гайдпарке, в пользу Гарибальди ⁸. Цель митинга так была неопределенна, что я никогда не мог понять его пользы. Но случилось хуже моих ожиданий; пришли ирландцы и *побили* англичан — не трогай, мол, папу и не говори против военного поста в Риме. Кирпичи полетели по головам, но дождь разогнал толпу. Англичан было немного сравнительно с ирландцами, и большая часть относилась к Гарибальди равнодушно, а к драке с хохотом. *Et sic transit gloria mundi* *. Хуже ничего не было придумано в пользу Гарибальди.

* И так проходит слава мира (лат.).

Где же вы теперь?

Ну, прощайте пока... Дайте руку, закупайте приданое, пожелайте счастья молодым⁹, а ведь из такой кучи денег — на их счастье — можно бы прислать кое-что в наш фонд, который становится с каждым днем более необходимым¹⁰.

Ваш О(г а р е в)

¹ В сентябре 1862 г. в Новгороде было торжественно отпраздновано тысячелетие России. В сентябре же праздновалось и шестидесятилетие министерства внутренних дел, созданного вместе с другими министерствами в 1802 г. (см. статью Герцена «Праздник тысячелетия» в «Колоколе», л. 138, от 1 июля 1862 г.).

² Несомненно Огарев имеет в виду свою небольшую поэму «Странник», рукопись которой датирована им 17 сентября 1862 г. Поэма эта была напечатана в № 8 «Общего веча», вышедшем 1 января 1863 г.

³ Мария Ивановна Сухово-Кобылина, урожд. Шепелева (1789—1862).

⁴ Огарев болел корью в 1848 г.

⁵ Софья — Софья Васильевна Сухово-Кобылина, сестра Салиас, талантливая художница.

⁶ О «переводе» и «предисловии» см. примеч. 10 к письму № 4.

⁷ *Жавер* — полицейский из романа Виктора Гюго «Les misérables», преследующий и разоблачающий беглого каторжника Жан-Вальжана.

⁸ В 1862 г. Гарибальди со своими добровольцами сделал попытку захватить Рим. На защиту папы были отправлены пьемонтские войска, разбившие добровольцев в сражении при Аспромонте. Сам Гарибальди был ранен, взят в плен и заключен в крепость. Эти события послужили поводом для митинга в Лондоне, созванного в знак сочувствия к Гарибальди. Однако митинг был сорван ирландскими католиками, сторонниками римского папы.

⁹ *Молодые* — Жуковы.

¹⁰ В «Колоколе» (л. 145, от 15 сентября 1862 г.) была помещена заметка Герцена «Общий фонд», сообщавшая о создании при редакции фонда для оказания помощи политическим эмигрантам.

7

31 октября <1862 г.> Richmond

Я опять ушел из Лондона, старый друг мой. Он мне в последнее время стал невыносим от праздношатания языков. *Jargon révolutionnaire* * меня не тешит, а когда он не имеет направления определенного и ясных оснований, он меня бесит. Я ушел работать на воле и работаю над новыми судебными положениями страстно¹. Разбор выйдет довольно объемистый. Не знаю, будут ли его читать, — кто-нибудь да прочтет же, — но знаю, что по дороге мне удастся высказать несколько здравых понятий, и совесть моя будет удовлетворена. Новое судоустройство хромает на каждом шагу, а между тем, оно такой же *переворот*, как и освобождение крестьян.

Я уверен, что вы еще во Франкфурте. Во 1-х, потому, что вы мне написали бы, если б уехали, несмотря на то, что я вам так долго не писал. Во 2-х, я не верю, чтобы вам из России прислали денег прежде, чем запропадут хлеб, т. е. накануне зимнего пути.

Мое письмо сегодня будет похоже на записку, а не на письмо. Я не люблю писать к вам так, по обязанности, а только когда хочется. А сегодня пишу по обязанности, потому что Бак(унин) требует настоятельно, чтоб я доставил вам его послание². Сделайте для него, что можете.

Когда я вам писал маленькую записку с юным другом³, я был уверен, что вы примете горячее участие, и все же бесконечно обрадовался, что не ошибся. Обрадовался, что моя вера в вас не обманула меня! Что же это — дружба к вам или самолюбие? Что б ни было, а вы хороший человек.

Нет, я чувствую, что я сегодня буду ужасно врать. Лучше напишу в другой раз, когда вы известите меня о получении этого письма; а известите немедленно.

Крепко жму вам руку.

* Революционный жаргон (франц.)

¹ 29 сентября ст. ст. 1862 г. были опубликованы «главные основные начала судебной реформы», положенные в основание работы комиссии, созданной для подготовки реформы. На этот правительственный документ Огарев отозвался статьей «Разбор основных положений преобразования судебной части в России», напечатанной в «Колоколе» (лл. 151, 152, 153 и 154) и содержавшей подробную критику правительственной программы судебной реформы.

² *Послание* — письмо Бакунина от 28 октября 1862 г. к Салиас, с которой он в это время был еще незнаком. Это письмо Бакунина вместе с другими его письмами к Салиас опубликовано в «Летописях марксизма», 1927, № 3.

³ *Юный друг* — быть может, В. Ф. Лугивин. В конце сентября 1862 г. он отправился в Париж с рекомендацией от Герцена к Тургеневу (XV, 480).

8

Четверг <февраль 1863 г.>

Ну что же это, мой старый друг, вас так недобрые люди притесняют! Да, право, уж лучше поезжайте к *heureux habitants des beaux vallons de l'Helvétie**. Только ведь там, должно быть, тоже скучно. Но что же делать? В наши годы человек притерпелся к жизни и должен уметь скучать, а вместе с тем создать себе то внутреннее занятие мысли, которое в старину представлялось в форме религии, иным является в форме науки, другим в форме искусства, и оно-то спасает. Да спасает меня еще убеждение в возможности развития основ русской жизни в сильный строй новой цивилизации. Без этого, конечно, надо бы перестать работать; а с этим убеждением приходится переживать мучительные годы общественной судороги и уклонений от здравого смысла, переживать в терпении, даже не зная, переживешь ли их, или они переживут тебя. Но куда смерть не прихлопнет — надо же взять на себя терпенье и продолжать свою кротовую работу в общественном мире, уходя иногда на отдых в науку или искусство. Хотя и этот отдых то полон неразрешенными запросами, то теми же тяжелыми мотивами общественной жизни, но все же это отдых. Знаете что — пишите-ка опять роман. Кончаю, потому что П. едет¹. Герц<ену> сегодня будет некогда писать, напишет по почте.

На обороте: Графине Сальяс

¹ П. — вероятно, член Центрального комитета «Земли и Воли» А. А. Слепцов, живший в то время за границей под фамилией Провансова. Свидание Слепцова с Герценом и Огаревым в Лондоне состоялось в феврале 1863 г. Из Лондона Слепцов выехал в Париж во второй половине февраля; с ним, очевидно, и было отправлено публикуемое письмо.

9

<Лондон.> 23 июня <1863 г.>

Что это как я давно вам не писал, мой старый друг, индо грустно и советно. Пожалуй, вы подумаете, что я на вас за что-нибудь зол; ей-же-ей — нет. Если вы за что-нибудь негодовали, то, я думаю, и у вас это уже прошло; а я и не думал негодовать. А не писал, потому что всё день от дня откладывалось, за кучей дела. Времена тяжкие, но близкие к развязкам. Разложение, смерть и роды совершаются с болью, но чем сильнее разложение, тем, с одной стороны, ближе смерть, а с другой — роды. Процесс этого разложения невесел, споры нет; скорбь, негодование, минутные отчаяния и незыблемая вера бродят в мозгу и не дают покоя. Но надо выдерживать. Жаль, если силы не допустят дожить до конца и начала. Чего доброго. Я в продолжительность собственного организма мало верю, т. е. не думаю, чтоб долго прожилося; от этого на последних так усиленно, мучительно хочется работать, что едва успеваешь сладить со своим материалом, который хотелось бы привести в приблизительный порядок. Это одно из главных препятствий личной переписки; от этого так долго не писалось к вам.

* счастливым обитателям прекрасных долин Гельвеции (франц.).

Но вот я накануне переезда на новую квартиру—Elmfield house Teddington. Это 9 миль от Лондона (минут 30 желез<ной> дороги). Туда я уезжу завтра. Уезжу — потому что железная дорога становится для меня совершенно невыносима и каждый поезд повергает меня в мучительную пытку, хуже всякого телесного наказания. Если вы соберетесь к нам, то вы нас застанете, следовательно, деревенскими жителями. Я долею рад, что буду не в городе, все ненужное отвалится, все нужное найдет нас и за городом. Если вы соберетесь, ведь вы и Дженни привезете? Он написал повесть¹, и я ее не читал, ибо не имею журнала, где она помещена. Пришлите мне ее! Где же Маша? Где же все? Пожалуйста, не помня лиха, отвечайте мне тотчас же по новому адресу. Семья моя уже в Теддингтоне. Все процветает. Маленькие начинают говорить; Лиза перестает умолкать. Она остается моим фаворитом. Это, говорят, нехорошо, но это факт... Ну — прощайте пока, стало — до свидания. Я окружен ящиками и укладываюсь — до проклятия жизни, осужденной на перемещения. Крепко жму вам руки.

¹ *Повесть* — первое литературное произведение Е. А. Салиаса — «Ксаня чудная». (Повесть напечатана в №№ 1 и 2 «Библиотеки для чтения» за 1863 г. под псевдонимом: Вадим). Первоначальное название повести было «Искра божья», но оно было изменено по требованию цензуры.

10

<Лондон.> 2 октября, вечером <1863 г.>

Старый милый друг мой, я виноват перед вами смертельно, и видите сами, не с каких-нибудь сердец, а потому, что слишком затормошился. То переезжали, то мой друг уезжал¹, etc. Голова была не на месте. Таким образом я не только провинился моим молчанием, а еще тем, что я, кажется, ваше письмо к К<ельсиеву> сжег, среди сотни бумаг². Но дело в том, что я без okazji его бы и не отправил. Была okazия порядочная: жена его брата³, с которым он теперь вместе, ехала к мужу и уже доехала; но с ней я не посылал, а письма не нахожу да и только. Стало, я его сжег. Просто я не послал бы, потому что жду порядочного адреса, а так все что-то неверно. Вот мои провинности. Каюсь и прошу прощенья. Но теперь другая штука — хуже. Я никакого протеста отсюда не получал. Мой друг, уезжая, не передавал мне. Стало, он не был получен. Получил я несколько строк от двоих о том, что было что-то послано, но этого «что-то» не получено. Справьтесь об этом хорошенько.

Спасибо вам за ваши добрые письма. Но не горюйте слишком. Времена переходчивы. Только я не удивлюсь, что мы от подлостей перейдем к стран-ным вещам. Вы знаете, что был пункт, на котором мы расходились. Вы вери-ли в высшее сословие; оно оказалось подлым. Но другой вопрос возникает, вопрос настоящий, вопрос экономический. Крестьяне на Украине отка-зываются от работ и от платежа какого бы то ни было оброка или выкупа, в казну или не в казну, ибо, по их мнению, эта земля их. Куда повернет это настроение — подождем, посмотрим⁴. Вообще нашему брату теперь — и, вероятно, всю зиму — приходится почти сложить руки. Литература и большинство читающих ударились в такую другую сторону, что подоб-ной мерзости не бывало с начала столетия. Продержаться это не может, а ждать приходится. Так как я теперь один, то издание пойдет только раз в месяц. Иначе невозможно. Если приняться за полемику, то можно пи-сать томы, но я думаю, что это бесплодно унизительно. И потому méthode expectative *, тем более, что рациональная медицина в горячках другой методы не употребляет.

* метод выжидания (франц.).

Теперь к вам обращаюсь. Зачем же у меня все-таки не только второй, но и первой повести Женни нет?⁵ Я ее требую. Зачем он так молод, что думает, будто нам некогда заниматься этим? Едва ли теперь это не лучшее, да я же никогда не принадлежал к исключительностям, которые ничего знать не хотят, кроме общественных вопросов. Для меня все человеческое разом и дорого, и ненавистно. Повесть непременно скажет мне, до какой степени частная, личная жизнь гадка, — ну! я и удовлетворюсь. Я буду видеть в изящном произведении, что есть, — кроме «Моск<овских> вед<омостей>», существует личная жизнь частных людей, которые тоже гадки; повесть мне скажет, что, кроме казенных, есть еще несчастные, хорошие люди в уголку мира забытом. Ну! я и удовлетворюсь. Увижу, что все идет как следует. Вообразите себе, что все было бы чрезвычайно хорошо — что ж бы мы стали делать? Со скуки умереть пришлось бы. А повесть Женни я потому хочу, что он остался у меня в памяти и сердце — добрый, больной ребенок; я хочу знать, как и во что он вырос.

От К<ельсиева>⁶ я имею письма, которыми очень доволен. Это натура не унывающая и деятельная. Мне иногда в голову приходит — не перевести ли его сюда. Пожалуй, что мы стары становимся. Надо наследников. Но это между нами, я об этом и ему не пишу; он, кажется, там полезен. Мешать не надо.

Ваше безденежье еще не беда, а только неприятность. Но вот что грустно, что вообще безденежье заедает. И сделал бы что-нибудь путное, да сил нет. Если у вас есть богатые друзья, собирайте для фонда⁷. Теперь, и именно теперь — это ужасно нужно. Без этого может быть много дурного или много хорошего невозможно.

Я тут об одном умоляю: если вы со мной и не согласны, то делайте против себя — ради меня. Ведь хуже от этого не будет, а может, вы многих спасете и многому поможете.

Князь Петр⁸ вам кланяется, он вас очень любит. Я с ним не ссорюсь и не то, чтоб уж очень сходился. Что это за мелкая натура, боже ты мой! Я стараюсь, чтоб он не был вреден; если его маленькое самолюбие задето, он способен бессознательно сделать нехорошее. Так, напечатал донос на Краевского, вместо ответа. А в сущности, *le diable n'est pas aussi méchant que... que quoi?* * Вот уж и не знаю. Просто мне кажется, что чёрт не чёрт, а человек.

Когда ж это увидимся? Неужто уж у Маши дети? Эх, как время-то летит! Поцелуйте ее от меня, когда писать станете. Пусть же она старого дядю вспомнит.

Мои ребята процветают и очень милы. Лиза — моя фаворитка. Я передал ей ваш поцелуй. Любите ее, когда встретитесь. Мать вас благодарит. А маленькая Леля ужасно умна, мальчик глупее, но выровняется.

Пришлите мне адрес Луг<инина>⁹. Я боюсь к нему писать: так давно не писал, что не знаю, как бы не ошибиться адресом.

Ну, теперь прощайте, лист идет к концу, а я ко сну. Крепко жму вам руку.

Мне жаль, что он не заехал. Если вернется через ваши края, то непременно вас увидит.

¹ 15 сентября 1863 г. Герцен выехал из Лондона, направляясь в Италию для свидания со старшими дочерьми — Натальей и Ольгой.

² Речь идет о письме Салиас к И. И. Кельсиеву. После бегства из России он жил у брата Василия в Тульче. Как видно из следующего письма, Огарев не сжег письмо Салиас, а переслал его по назначению, но забыл об этом.

³ Жена В. И. Кельсиева, Варвара Тимофеевна, в конце августа с детьми уехала из Лондона в Тульчу к мужу.

* чёрт не так страшен, как... как что? (франц.).

⁴ 30 июля 1863 г. был издан указ о прекращении обязательных отношений между крестьянами и помещиками украинских губерний с тем, чтобы крестьяне выкупали свои наделы. В некоторых местностях крестьяне отказывались от взноса платежей. Туда были посланы войска, были произведены многочисленные аресты.

⁵ О первой повести Е. А. Салиаса «Ксаня чудная» см. в примеч. к письму № 9. Вторая повесть его — «Тьма», напечатанная в № 12 «Современника» за 1863 г., под псевдонимом Вадим.

⁶ Повидимому, здесь также имеется в виду И. И. Кельсиев.

⁷ Фонд — общий фонд, организованный при «Колоколе».

⁸ *Князь Петр* — П. В. Долгоруков. В № 13 «Листка», издаваемого кн. П. Долгоруковым (Лондон, 1863), стр. 96, в отделе «Смесь», была помещена краткая заметка о том, что по сообщению «Кельнской газеты» («Kölnische Zeitung») редактор «Голоса» Краевский состоит на жаловании у петербургского правительства. «Из Петербурга нам сообщают, — говорилось в заметке, — что Краевский получает 6 тысяч руб. в год». Очевидно, в это время Огарев не знал еще, что Краевский действительно получал от правительства субсидию на издание «Голоса» (XVI, стр. 236—237).

⁹ Владимир Федорович *Лугинин* (1834—1911) — участник революционного движения того времени. С 1862 г. жил за границей и был близок с Герценом и другими русскими эмигрантами. Впоследствии — известный термехимик, профессор Московского университета.

11

⟨Лондон.⟩ 3 октября утром ⟨1863 г.⟩

Для того, чтоб вы очень похохотали, мой старый друг, посылаю вам мое вчерашнее письмо как есть intacte *. С грустью убедившись, что я письмо ваше сжег, к удивлению моему получаю сегодня от К. ответ вам и благодарность мне за присылку вашего письма¹. Я еще не вставал, когда принесли его письмо, и, лежа в постели, я хохотал четверть часа, как сумасшедший. Каким же дураком я должен вам показаться! Но я хочу, чтоб вы все видели, как было, хочу, чтоб вы посмеялись и подумали, что ваш старый друг из ума выжил. Оно на то похоже.

Кстати: кто из русских в Женеве — Левитский? Вероятно, псевдоним². Но человека Женни должен знать, ибо он через нас прислал письмо к К. и, кажется, их товарищ по университету. Как видно, в очень грустном, т. е. бедном положении. Не можете ли вы навести справку и сообщить мне сведения? — Жму вам руку еще раз и перехожу à l'ordre du jour **.

К. здесь и ниже — И. И. Кельсиев. О письме Салиас к нему см. примеч. 2 к предыдущему письму.

² *Левитский* — повидимому, действительно псевдоним. Вероятно, под этим именем появился в Женеве товарищ Салиаса и Кельсиева по Московскому университету Евгений Казимирович Гижицкий, один из руководителей студенческого движения 1861 года, сосланный в г. Мензелинск и оттуда в мае 1863 г. бежавший за границу. В семидесятых годах Гижицкий стал ренегатом и, после того как в «Московских ведомостях» Каткова (№№ 12—14 за 1873 г.) была напечатана его клеветническая статья о русской политической эмиграции, получил разрешение возвратиться в Россию.

12

⟨Лондон.⟩ 9 ноября ⟨1863 г.⟩

Эту записочку, мой старый друг, доставит вам Мих(аил) Александр(ович) Бакунин. Может, вы с ним в мнениях несколько разнитесь (хотя не думаю, чтобы уж так слишком), но все же потолкуете о многом. Жена его¹ тоже человек добрый, дитя — приласкайте ее.

Г(ерцену) я писал во Флоренцию. Я уверен, что он вас увидит в конце месяца².

Сам я довольно-таки занят. Одному трудновато вести писанье, чтение и корректуры.

* нетронутым (франц.).

** к порядку дня (франц.).

Что-то будет? спрашиваете вы. Я думаю, войны не будет; Милютин в Варшаве, кажется, для мирных переговоров и уступок (8 ноября. Observer). Весной, вероятно, разомнется Польша с Россией. Тогда опять за работу³.

Прощайте, друг мой. Поделуйте Дженни. Пришлите же его повести и свою статью о «Paris en Amerique»⁴.

¹ Жена Бакунина — Антония Ксавьерьевна, уржд. Квятковская. Только в 1863 г. ей удалось вырваться из России и приехать к мужу в Лондон.

² См. примеч. 1 к письму № 13.

³ Огарев имеет в виду надежды аристократической части польской эмиграции на то, что Франция и Англия объявят войну России, чтобы поддержать восставших поляков. Как и предвидел Огарев, надежды эти не оправдались. Однако Огарев ошибался, относясь с доверием к информации «Observer» о том, что Н. А. Милютин был послан в Варшаву для мирных переговоров и для уступок полякам. В действительности Милютину было поручено разработать план преобразований, направленных на упрочение русского влияния в Польше, и, в частности составить проект крестьянской реформы, согласно которой крестьяне будут наделены помещичьей землею. Эта мера должна была успокоить крестьян и отвлечь их от поддержки восстания и от других попыток добиться национальной независимости. Не зная настоящей задачи, возложенной на Милютина, Огарев надеялся, что русское правительство пойдет на уступки и согласится на отделение Польши от России.

⁴ Огарев имеет в виду статью Евгения Тур о книге Лабуля «Париж в Америке», изданной в 1863 г. «Париж в Америке» — это памфлет на Францию Наполеона III и панегирик США. Статья Тур была напечатана в №№ 5—7 «Библиотеки для чтения» за 1863 г.

13

3 декабря (1863 г.)

Пишу несколько слов, мой старый друг. Если мой товарищ¹ не пройдет через Париж так, что к ночи приехал, а поутру усекал, то он будет у вас. Скажите ему, что для него есть в Париже письмо *poste restante*, чтоб он его все непременно получил. Желал бы я, чтоб он вас видел, хотя он и здесь ужасно нужен.

От Мих<аила> Ал<ександровича>² я имел одно письмо; ему писал 2: одно — на его адрес à М-ме В., а другое — через указанный путь, через который ему были отправлены два полярные письма³, а газету ему я послал к вам. Но мне очень нужно, чтоб он мое последнее письмо через указанный путь получил.

Вот вам письмо чисто комиссионерское. Иное напишу после, а то я сегодня занялся устройством комнат, и выходит, что сердце пусто, празден ум. Жму вам руку и Женни.

¹ Мой товарищ — Герцен; он останавливался в Париже, проездом из Флоренции в Лондон, с 3 по 5 декабря и виделся с Салиас (см. письмо № 15).

² Мих<аил> Ал<ександрович> — Бакунин.

³ Полярные письма — повидимому, письма от шведских или финских революционеров, с которыми Бакунин установил связь во время своего пребывания в 1863 г. в Стокгольме.

14

17 декабря (1863 г.)

Ну что, мой старый друг, прочли статью?¹ Признайтесь, что против нее у вас ничего на душе не может быть и что вас только рассердил У<сов>². А ему вы все же от меня много и много кланяйтесь; я его очень люблю, это благородный человек с чрезвычайно ясно организованным мозгом. — Записочку прилагаемую передайте Мих<аилу> Ал<ександровичу> — весьма нужно.

Что ж вам еще сказать? А какова статья старообр<ядца> в «Об<щем> в<ече>»?³ Этому человеку еще предстоит развитие недюжинное. Я к нему заочно питаю отцовскую нежность. Крепко жму вам руку и Женни. Что ж его поведет? когда он мне их пришлет?

¹ Речь идет о статье Огарева «Расчистка некоторых вопросов (Конституция и Земский собор)», напечатанной в «Колоколе», лл. 174 и 175, от 1 и 15 декабря 1863 г.

² Степан Александрович Усов (1832—1897). См. о нем в «Лит. наследстве», т. 41-42, 1941, стр. 21—22.

³ Огарев имеет в виду статью «От старообрядца иерархам», напечатанную в № 24 «Общего веча» от 1 декабря 1863 г. Статья эта обличала лицемерие православного духовенства и прислужничество его перед властями.

15

24 декабря <1863 г.>

Спасибо вам, старый друг, за память о моих именинах, которые совпадали с именинами Николая Павловича¹. Перед этим торжественным днем был другой — 24 ноября ст. ст. — когда мне стукнуло 50 лет. Но несмотря на эти годы, я столько разнюсь с вами в постановке вопросов (о чем я уже вам писал), что если у нас явится Пугачев, то я пойду к нему в адъютанты, потому что я сотой доли так не <не>навижу польское шляхетство, как ненавижу русское дворянство, которое пошло, подло и неразрывно связано с русским правительством. Зачем вы сюда принудили эмансипацию женщины, разрушение семьи и пр., — этого я совершенно не понимаю. У вас носятся какие-то призраки, мой милый старый друг. Но это не должно поселять между нами сердечной розни. Давайте дружелюбно спорить, я согласен; только Женни не вводите в понятие аристократической свободы, которая равна народному рабству, и менять царизм на шляхетство — игра не стоит свеч. Ну, что ж? Сердитесь? Посердитесь и дайте дружески пожать вашу руку.

Далее рукой Герцена:

Вы были так добры ко мне и в вашем приеме, и в ваших письмах, что я прошу <у> вас позволения сказать несколько слов в ответ на последнее письмо к Огар(еву). Будьте уверены, что мы, шедшие по одной дороге с 1825 года, не пошатнемся. Но сильны мы только тогда, когда вполне откровенны. Молчать мы можем. Но говорить из других побуждений, чем из страсти истины и победы во имя ее, — мы не можем. И все опыты подобных уступок оказались неловкими с нашей стороны.

В вашем письме вы меня совершенно оправдали — вы говорите, что вы не делите моих воззрений, потому что вы *никогда* не были со стороны социализма, а я *всегда*; отчего же после этого ждать, чтоб мы смотрели одинаким образом? В 1849 году я проповедовал громко гибель Европы от *avortement* * социальной революции и с тем же знаменем я поднял заграничную русскую речь.

Вот когда и я поставлю социальное пересоздание ниже политических геше менаг'ей **, тогда я отклонюсь от своей мысли.

Далее — я должен вам рекомендовать, больше — просить вас перечитать наши статьи о провинциях; вы тогда увидите, что у нас и речи не могло быть об отстаивании их для России.

Теперь, т. е. в декабре мес(яце), в Лемберге печатается ряд статей, в которых поляки говорят с полной ширью — о необходимости признать русинскую народность и аутономию русинов. Теперь — остатки народ(ного) правит(ельства) говорят положительно о разделе, т. е. о наделе землей крестьян. Виноваты ли мы, что это говорится в дек(абре) 1863, а не в дек(абре) 1862? Ведь мы этого требовали в октябре <18>62. Тогда ждали выручки от Европы; теперь, когда все мечты пали, они начинают говорить то, что мы говорили. Трагический элемент — трагическим, и будьте уверены, что нынешнее лето измучило нас, но ведь и объективной истине надо отдать долю³.

* неудачи (франц.).

** перетасовок (франц.).

Теперь позвольте мне обратиться к вам с просьбой, даже с двумя.

Вы не пишете — Бак<унин> в Париже или уехал; если он еще здесь, то потрудитесь передать ему, что Осип Иванов<ич>³ очень заботится о письмах и даже желает, чтобы он послал по известному ему адресу поскорее и известил бы о том, послано или нет.

2-я. Моя просьба к вам и к нему — и притом секретная, т. е. чтоб не знали, откуда идет вопрос. Нельзя ли узнать — точно ли известный партизан *Шварц*⁴ содержится в Кронштадте (он уже давно приговорен в каторжную работу), имя его Bronislaw Schwartz. Русское правительство скрывает, что оно с ним делает. И близкие ему люди (положим, женщины) в совершенном отчаянии. Не узнаете ли вы через Ор<лова>⁵? Вы меня очень одолжите. Не может ли Баку<нин> узнать? Только я попрошу вас сделать это скорее.

Засим еще раз требую от вас un vote de confiance* и поздравляю не с тем, что новый год пришел, а с тем, что подлый год прошел.

А. Герцен

Скажите Бак<унину>, что я на днях получил самое дружеское письмо от Игнатия Хмелинского⁶, он ему душевно кланяется. Письмо его печально, но дышит силой.

Далее рукой Огарева:

А от меня спросите его, не получил ли он помимо меня известий от купца Штраубе⁷ и дошло ли до него мое письмо. Мне нужно знать.

¹ Николай Павлович — царь Николай I.

² Это место письма Герцена касается чрезвычайно существенного пункта, в котором он расходился с Салиас. Сторонник права народов на самоопределение, Герцен был вполне последователен и в польском вопросе. Он обещал польским революционерам свою поддержку и содействие при том условии, что поляки, во-первых, признают право крестьян на обрабатываемую землю, во-вторых, право всякого народа располагать своей судьбой. Второе из этих условий было выдвинуто Герценом ввиду того, что он знал о существовании среди польских революционеров людей, мечтавших о восстановлении Польши в ее «исторических» границах, т. е. со включением в нее территорий, населенных украинцами, белоруссами и литовцами. Герцен же считал такое насильственное присоединение чужих территорий ничем не оправданным. Поэтому он настаивал, чтобы за украинцами, белоруссами и литовцами было признано такое же право на самоопределение, как и за поляками. Польские революционеры вынуждены были согласиться с этими установками Герцена; свое согласие они выразили в письме, адресованном издателем «Колокола» и опубликованном в л. 146 (от 1 октября 1862 г.). Что касается Салиас, то она в справедливом требовании Герцена совершенно несомненно усмотрела стремление закрепить за царской Россией земли, населенные украинцами, белоруссами и литовцами.

³ Осип Иванович — Джузеппе Мадзини.

⁴ Бронислав Шварц (или Шварце) — сын польского повстанца 1830 года, эмигрировавшего во Францию после того как восстание было подавлено. Бр. Шварц родился и вырос во Франции. Участвовал в польском восстании 1863 г. Был взят в плен и заключен в Шлиссельбургскую крепость, где провел семь лет. В 1870 г. был освобожден из Шлиссельбурга и выслан в г. Верный (ныне Алма-Ата), откуда переведен в Томск, а затем за участие в политическом Красном Кресте — в Тунку. В 1889 г. получил разрешение выехать в Галицию и поселился в Кракове. Умер в 1904 г. В 1893 г. опубликовал во Львове свои воспоминания о пребывании в Шлиссельбургской крепости. Русский перевод этих воспоминаний (с некоторыми сокращениями), сделанный С. Басовым-Верхоянцевым, был издан в 1906 г. под названием: «Б. Шварце. Семь лет в Шлиссельбурге».

⁵ Князь Николай Алексеевич Орлов (1827—1885) — генерал-адъютант, представитель либеральной бюрократии шестидесятых годов, с 1859 по 1869 г. русский посол в Брюсселе. Орлов был близким знакомым Е. В. Салиас и переписывался с ней. В 1810 г. он посетил Герцена, который отзывался о нем, как о «честном человеке» (X, 364 и XVII, 130).

* вотум доверия (франц.).

⁶ Игнатий Хмелинский — польский революционер, организовавший в июне 1862 г. в Варшаве покушение на русского наместника в Польше, вел. кн. Константина Николаевича, и затем эмигрировавший. Хмелинский принимал участие в переговорах польского Центрального народного комитета с Герценом. В 1863 г. он возвратился в Польшу, входил в состав так называемого сентябрьского правительства, затем был некоторое время комиссаром национального правительства в Галиции. Незадолго до конца восстания эмигрировал за границу.

⁷ Е. Штраубе — стоковский книгопродавец, помогавший переправлять через Финляндию в Россию издания Герцена.

16

Е. В. САЛИАС — ОГАРЕВУ

4 генв<аря 1864 г.>¹

Я получила вчера «Колокол», благодарю вас². Сказалось сердце Александра Ивановича — я узнала его, и хотя не говорят *спасибо* за сердце, а я не могу не сказать. Давно уже мне хотелось услышать что-нибудь подобное, самой сказать, да я не знала: как? Я бы желала, чтобы Александр Иванович развил мысль в статейке и заклеил бы этих господ. Ведь это святотатство. Помилуй бог, избивают людей, женщин, детей, ссылают, мучат, пытаются — и всё это из идеи равенства, свободы. Всякая скотина-генерал во имя равенства и свободы творит ужасы. Всякая речь говорит о спасении крестьян польских от помещиков — а спасители-то засекали еще вчера у себя своих и не своих крепостных. По крайней мере, в Литве уж никогда не засекали — я говорю о последнем столетии — а что делалось в 16-м — так в 16 везде было жить народу плохо! Русское правительство стало умно; маску свободы надело!³ Но вопрос не в том — если бы *одни* генералы прикрывались маской равенства и свободы; но подумайте — все дураки, все слабые, все полубразованные (а их легион) верят этому, верят чистосердечно. Порядочные люди повторяют эту гнусную ложь. Теперь там, у нас, на матушке Руси, разделились на мошенников и простаков — *dupes**. Какой-нибудь Головин *знает*, мошенник, что они дают не во имя свободы и равенства, но что *надели* эту маску, что она им выгодна, а какой-нибудь простак *верит* и кричит. Господи, видеть только весь позор этот, то лучше бы умереть. Что приходится слушать в гостинных! Просто иногда доходишь до отчаяния. Я получила «Колокол» в таком настроении. Он меня поднял. Недавно мне русский говорил то же. Легче стало, прочитав. Если я пришлю статейку, вы ее поместите? Я не буду говорить о мнениях, а просто о впечатлении при чтении русских газет. Впрочем, не знаю — напишется ли? Трудно писать подле Александра Ивановича. Но дело не в самолюбии — у меня авторского так мало, как можно только менее. Совсем не иметь, кажется, нельзя.

Отличный номер «Колокола» — что больше перечитываешь, то больше по сердцу. Не могу вам сказать, как здесь жить тяжело. Не с кем душу отвести. Русских нет; поляки — убитые, мрачные, обезумевшие от страдания — наводят тоску пушную; французы, фразистые, но холодные, речистые, но равнодушные, наводят на презрение, на которое, в сущности, русский права не имеет. Нельзя презирать *никого*, когда свои так гадки, низки, подлы, опозорены. Я дошла до такого состояния, что никого видеть не желаю — и заняться не могу. Всё из рук валится. Выверив всё, ночью просыпаюсь от собственного голоса, что сердце болит. — «Избавьте от этой боли сердца!» — закричала я и проснулась. И действительно, физически сердце болит, и очень часто. Я поняла, что Замойский⁴, получив письмо, в котором его извещали, что сына бьют и мучат в цитадели, упал замертво. Сердце перестало биться. Весь факультет парижский лечил его, и он находился 40 часов между жизнью и смертью. Можно получить

* простофиль (франц.).

смертельную болезнь! Я пишу к вам просто, что чувствую. Вы старый друг. Я знаю, вам дела много, я и не прошу ответа — а так, душу отвожу. — У вас свои дети, вы поймете, как горько думать, что годы пройдут и вы их не увидите. В эту Японию, где распарывают животы, в этот Китай, где режут всех, и воротиться не могу. Это личная скорбь, соединенная с скорбью по опозоренной родной стране, невыносима. Я бы хотела о другом писать — но не могу. Днями я упадаю духом — выбиваюсь из сил.

Потапов назначен генерал-губернатором в Западную Сибирь, вероятно, чтобы мучить политических преступников. На его место флигель-адъютант Мезенцов, известный глупостью и тем, что, бывши флигель-адъютантом, подвизывал себе бороду и ходил шпионить на рынок. Впрочем, если бы остался Потапов⁵, жертв было бы гораздо больше. Он сыщик по званию.

¹ Годовая дата устанавливается содержащимся в письме упоминанием о смене А. Л. Потапова на посту управляющего III Отделением Н. В. Мезенцовым.

² Салиас получила л. 176 «Колокола» от 1 января 1864 г. В этом «листе» была помещена статья Герцена «1864», в которой он писал о реакции, торжествовавшей тогда в России: «Пусть рухнет эта империя, выработавшая свой тип в Аракчееве, пусть пойдет по миру дворянство, отбывавшее два века кусок хлеба у народа, пусть пропадет, наконец, это мишурное образование, ложное, безнравственное, умевшее прежде ужиться с крепостным правом, а теперь с палачами и доносчиками...» (XVII, 6).

³ Салиас имеет в виду ряд демагогических мероприятий, проводившихся царским правительством в целях возбуждения вражды со стороны крестьян к польским помещикам. Еще в 1863 г. в Белоруссии и Литве крестьянам были возвращены земли, отрезанные у них по реформе 1861 г. С 1864 г. крестьяне переводились на выкуп и освобождались от барщины и оброка. Выкупные платежи, вносимые ими за землю, были снижены на 20%. В то же время шла подготовка указа, опубликованного 19 февраля/2 марта 1864 г. В силу этого указа крестьянам в Польше была передана в собственность земля, которую они обрабатывали. Вместе с этим они получили в собственность весь живой и мертвый инвентарь, находившийся в их усадьбах, и были освобождены от всяких повинностей в пользу помещиков со сложением с них всех недоимок. В силу этой реформы польским крестьянам было прирезано из помещичьих и казенных земель около 2 млн. моргов. За эту землю им приходилось вносить правительству особый поземельный налог.

⁴ Граф Андрей Замойский (1800—1874) — один из лидеров правого крыла польской эмиграции, представлявшего интересы польской аристократии. Эмигрант И. Г. Головин писал 18 января 1864 г. кн. А. А. Суворову: «Граф Андрей Замойский... потерял жену, сына и лежит при смерти» (А. И. Герцен. Полн. собр. соч., т. XIV, стр. 605).

⁵ Слух о назначении А. Л. Потапова (1818—1876) генерал-губернатором в Сибирь не оправдался: он был назначен помощником по гражданской части виленского генерал-губернатора, ближайшим соратником Муравьева-вешателя.

31 декабря ст. ст. <1863—12 января 1864 г.>

Желаю вам и всем вашим лучшего русского Нового года, чем прошлый. Спасибо вам за ваше благородное письмо, старый друг. Вот вы, кажется, и ближе подходите, а все же я знаю, что мы в постановке вопросов не сойдемся: вы верите в общечеловеческое благородство и в привычку к старой, феодальной жизни. Я ни в то, ни в другое не верю, а верю, что сочетание иных данных даст иной результат. Этот результат, и только он, мне и дорог.

Но переходжу совсем к другому. Вы хорошо знакомы с кн. Труб^цким¹. Вспомните: Мартыанов², Черн^ышевский³, С^ерно-С^оловьевич⁴ и пр. — все идет на каторгу. Скажите ему, чтоб он пожертвовал, сколько хочет, для отсылки им. Переслать мы беремся. Мешкать нечего, одни уже ушли, другие не сегодня-завтра уйдут. Собрать собственными средствами пришлось очень немного. А вы знаете, что значат в России деньги для ссыльного. Похлопочите об этом, старый друг. Это уж, наконец, не может претить убеждениям кн^язя — ни консервативным, ни политическим.

Жду вашего ответа со страхом и верою. Мысль об этих людях меня преследует. Первого из них я коротко знал и глубоко любил.

Жму вам руку.

Далее рукой Герцена:

Приписываю и я строчку в письме «Ага», как его называют дети. Вы видите, что *les vieux de la vieille garde** не совсем утратили дух. Полагаю, что во 2 листе вы будете довольны, если не письмом к Гарибальди, то «Портретом Муравьева», «3/70» и «Календарем за 1863 год»³. — И мы идем, и Россия идет, страшно идет — многое щемит, давит сердца, — но идет!

Если вы будете говорить Трубецкому, то я попрошу вас и от меня сказать слово — да, действительно, надобно помочь жертвам нашего кроткодушника.

С Новым годом нельзя же не поздравить, хоть он и ошибочен.

А что Шварц? Какого-то Шварца расстреляли.

Будьте здоровы.

Искренно уважающий вас

Ал. Герцен

¹ Князь Николай Иванович *Трубецкой* (1807—1874) — своеобразный представитель дворянской оппозиции, покинувший Россию и поселившийся во Франции. Трубецкой считал себя славянофилом, что не помешало ему, однако, перейти из православия в католичество. На его дочери был женат упоминавшийся выше кн. Н. А. Орлов. Салиас была близка с Трубецким и одно время жила у него в Фонтенебло.

² Петр Алексеевич *Мартынов* (1835—1865) — крепостной крестьянин, разбогатевший на хлебной торговле. В 1861 г., приехав в Лондон, Мартынов сблизился с Герценом и Огаревым. Убеденный противник крепостного права и дворянства, он питал наивную веру в то, что русский царь может превратиться в «земского царя», защитника интересов крестьянства. Эти свои надежды он изложил в «Письме Александру II», напечатанном в «Колоколе» (л. 132, ст 8 мая 1862 г.) и в изданной в 1862 г. брошюре «Народ и государство». В апреле 1863 г., при возвращении в Россию, Мартынов был арестован и приговорен сенатом к каторжным работам на 5 лет и поселению в Сибирь; в 1865 г. умер в иркутской тюремной больнице. Особенно близок Мартынов был с Огаревым.

³ Герцен имеет в виду л. 177 «Колокола», от 15 января 1864 г., в котором были напечатаны его статьи: «Письмо к Гарибальди», «Портрет Муравьева», «3/70 копеек с души», и «Сентиментальный взгляд назад» (так Герцен назвал свою статью, которую в настоящем письме он именует «Календарем за 1863 год»).

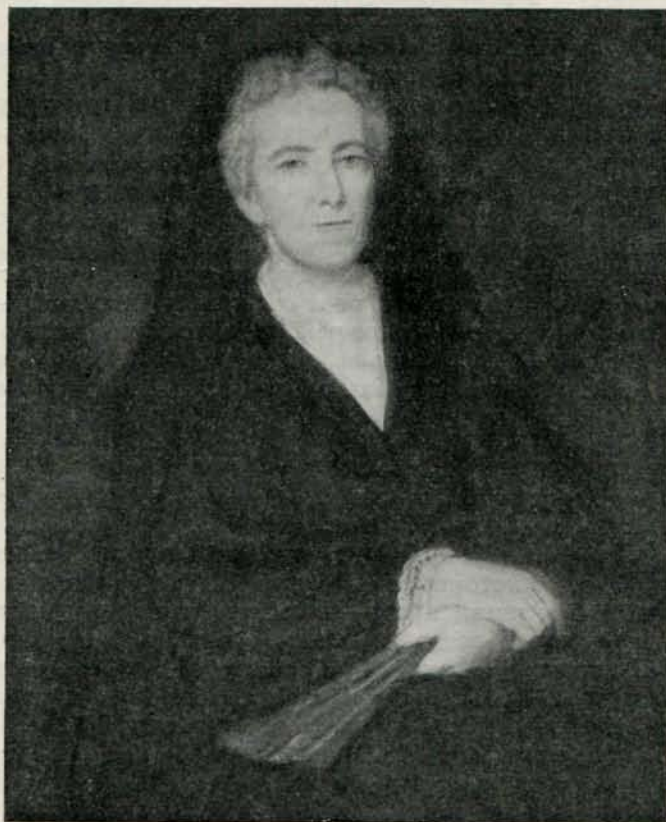
Добрый мой старый друг, так давно вам не отвечаю, что даже самому стыдно. Простите мне этот грех. Прежде всего хочу вас спросить об одном: «Тьма», повесть в «Современнике», Женни?¹ Мне чудится, что вы мне писали, что он подписывается «Вадим», а Герцен мне сказал, что он видел эту рукопись у Женни на столе. Искал я в ваших письмах и не нашел, но, несмотря на то, уверен, что эта повесть его. Читал я ее вечером внизу, прочел, пошел к себе наверх, раскрыл мой альбом с фотографиями и поцеловал его портрет. Больше в похвалу ему ничего сказать не могу. Несмотря на некоторые промахи, о которых я ему напишу, если он хочет, тут чрезвычайно симпатичный талант, и я с глубокой радостью даю ему полное благословение.

Вашу статью мы ворочали во все стороны и решились ее не печатать... Вы сердитесь (т. е. не за это, а на положение) и потому впадаете в бранчивый тон, который в русской прессе дозволен цензурой, а в европейской может даже навлечь процесс. У Герцена встречаются вещи и подерзче, а привязаться к ним нельзя; а у вас на каждом шагу можно привязаться.

* ветераны старой гвардии (франц.).

Мы старались поправить, да невозможно; тогда уже ничего не выйдет, потому что тут только гнев и симпатичен.

Скажите: куда вам выслать записки Пиотровского²; у нас их много экземпляров. Только в настоящее время ничего с рук нейдет — ни книги, ни Колокола. Теперь с рук идет одна катковщина. Терпение, старый друг, терпение и вера! Крепко жму вашу руку.

Е. В. САЛИАС ДЕ ТУРНЕМИР

Портрет маслом неизвестного художника, 1860-е гг.

Литературный музей, Москва

Далее рукой Герцена:

Я беру из рук Огарева перо только для того, чтобы прибавить от себя, что «Тьма» — чудесная вещь, и если в ней есть недостатки, то это — недостатки молодости. Если это писал ваш сын, — как мы выдумали сами, — то я поздравляю обеих матерей его, т. е. вас и Россию, с новым талантом.

Надеюсь, что вы были довольны сквозь-строем, которым я провел наше общество в комментариях к письму Гарибальди?³

¹ Повесть «Тьма», помещенная в № 12 «Современника» за 1863 г. под псевдонимом «Вадим», принадлежала Е. А. Салиасу.

² О «Записках» Пиотровского см. примеч. 10 к письму № 4.

³ «Ответ Гарибальди» с комментариями Герцена был напечатан в «Колоколе», л. 178, от 1 февраля 1864 г. (XVII, 33—38).

26 мая <1864 г.>

Пишу к вам, старый друг, просто потому, что сам стосковался о том, что давно не писал. А особого и веселого сказать нечего. Мы 15 июня куда-нибудь переедем, а куда, о том вас извещу¹. Поджидаем нашего живописца из Италии, т. е. Тату с сестрой. Если хотите посмотреть их портрет, то зайдите к Львицкому взглянуть на превосходнейшую фотографию.

Катков в милости у российского дворянства как нельзя больше и сильнее, чем когда-нибудь; даже похвалил остзейское дворянство за то, что оно не приняло ни наделения крестьян землею, ни суд присяжных, предложенные правительством. Это, говорит, парламент, а не то, что какой-нибудь финляндск<ий> сеймик². Но зато Муравьев в немилости у царя, хотя в милости у Каткова, Аксакова и дворянства. По-моему эта немилость — поворот, потому что дворянство скоро начнет лягать того, кого лягает первый дворянин. Наград ему нет, и на место его другой. Но, вероятно (это мы вчера гадали), сделают его графом виленским, и таким образом выйдут: Mouravieff d'Amour et Mouravieff vilain³.

Кстати: ваши Débats⁴ стали такой пустой журнал, что бог с ними и с опровержением их покупных статей и со всем франко-англо-германским мнением. — Закончу эту записку вот чем: «Ксая» имеет много отроческих ошибок, но «Ксая» — произведение сильного поэтического таланта⁵; поцелуйте его за меня. Крепко жму вам руку — addio! Получил ли Луг<инин> мое письмо?

На полях: Кого это они обыскивали: Лукерью?⁶

Далее рукой Герцена:

Статью, о которой вы писали, французскую, отвергнутую «Revue des 2 Mond<es>», я подарил Fontain'у, и она будет в «La Cloche», начиная с следующего №, т. е. который в Брюсселе выйдет сегодня⁷.

Я вам пришло 2 экзempl<я>ра — нельзя ли хоть ею разобидеть наших бургравов литературы. Писана она очень умеренно (наружно) — ее хватит на три №. Укажите ее кругу Труб<ецкого> и Орлова, — мне кажется, что снова наступает время, в которое Конст<антин> Н<иколаевич> будет der liberale Grossfürst⁸. А это всё его приятели.

Где же находится Погосский⁹? Он писал, что болен, и собирался в Фонтенебло, — мне очень хочется ему писать: я считаю себя перед ним виноватым без вины.

Довольны ли вы моими письмами к будущему другу? Из Тур<енев>, я полагаю, недоволен⁹.

Искренно свидетельствую глубокое уважение.

А. Герцен

¹ В июне Герцен с семьей и Огарев переехали на лето в приморское местечко Boaglemouth

² Огарев имеет в виду передовую статью Каткова в № 97 «Московских ведомостей» от 1 мая 1864 г. В этой статье Катков заявил, будто бы лифляндский сейм, состоящий в подавляющем большинстве из представителей местного дворянства и небольшого количества горожан, представляет не одно господствующее сословие, но весь край. В то же время Катков пренебрежительно отзывался о финляндском сейме, не желая видеть в нем истинного представителя страны, хотя финляндский сейм состоял из четырех сословных палат, в которых заседали дворяне, горожане, духовенство и крестьяне (разумеется, наиболее зажиточные).

³ М. Н. Муравьев, получивший от русской демократической журналистики прозвище «вешателя» за свою жестокость, а от пары Александра II титул «графа Виленского», после подавления польского восстания 1863 г., по настоянию либеральной части петербургской бюрократии, был временно отстранен от руководства важными поли-

* Игра слов: Муравьев-Амурский = любимый Муравьев и Муравьев-Виленский = гадкий Муравьев (франц.).

** либеральный великий князь (нем.).

тическими делами. Однако, вопреки мнению Огарева, это вовсе не значило, что Муравьев утратил доверие царя: после покушения Каракозова на Александра II Муравьеву были даны неограниченные полномочия для борьбы с «крамолой».

⁴ «Journal des Débats» — французская газета, основанная в 1789 г. Придерживалась умеренно-либерального направления.

⁵ О повести Е. А. Салиаса «Ксаня чудная» см. примеч. к письму № 9.

⁶ О ком идет речь, определить трудно. Эмигранты, окруженные царскими шпионами, отличались большой подозрительностью. Не раз случалось, что, заподозрив кого-либо в шпионстве, они производили у заподозренного обыск.

⁷ Герцен имеет в виду свою статью «Nouvelle phase de la littérature russe» («Новая фаза русской литературы»), напечатанную в №№ 44 и 45 «La Cloche». О том, что статья была отвергнута редакцией «Revue des Deux Mondes», не было известно.

⁸ Александр Фомич Погосский (1816—1874) — журналист, издатель журнала «Солдатская беседа». Был связан с обществом «Земля и Воля» и, живя за границей, находился в сношениях с эмигрантами.

⁹ «Письма к будущему другу» были напечатаны Герценом в лл. 180—181, 182, 184, 186 и 213 «Колокола». Тургеневу эти письма не могли понравиться, так как Герцен весьма сурово отозвался в них о некоторых персонажах из его произведений, в частности о Кукиной из «Отцов и детей». «Тургенев слаб и даже плох, — писал Герцен, — там, где он, насилуя свой талант, пишет на заданную политическую и полемическую тему; он впадает в шарж, и Кукинина — так же не тип, а карикатура, как князь Луповицкий К. Аксакова».

20

Е. В. САЛИАС — ОГАРЕВУ

Versailles. Rue Mademoiselle, 19. 2 июня <1864 г.>¹

Давно я вам не писала, мой друг, да и некогда было. Я устраивалась в Версале и, наконец, кое-как устроилась. Я говорю: кое-как, потому что мало комфорта в том доме, где я живу. Впрочем, c'est le cadet de mes soucis*. Я теперь очень занята Женей. Он пишет из Испании², что у него опять разболелись глаза. Ему необходимо надо ехать купаться. Я действительно об этом прошу его — купанья в море всегда ему помогали радикально.

Что вам сказать нового? Мало. Из Петербурга приезжают важные лица, которые выражаются, одни так: «Польское восстание такое неожиданное счастье!.. Оно надолго утвердило царскую в России власть, собрало около трона все образованное общество, уничтожило либеральную партию и раздавило (sic!) Герцена!». Другие так: «Надо признаться, что Польское восстание — это такая позорная, кровавая и грязная страница в русской истории!». Одни начинают ругать Муравьева, другие царя: «Что он делает? Он на нашу голову да и на свою беды призывает». Сами говорят об армии, что это орды грабителей. В Питере же общество, образованное (должно быть), принимало Муравьева с овациями, а царь очень холодно.

Я не знаю адреса Погосского. Знаю, что он в окрестностях Фонтенебло. Его, как я ему и говорила, надула француженка, а он, поверив ее обещаниям, перетащил все семейство из Швейцарии, где они жили тихо и хорошо и где их все любили, в Фонтенебло. Их вместо дома поместили в конюшню, и он принужден был оставить эту женщину, которая обещала золотые горы за 12 франков в день — и это за пищу и квартиру 5 детей и 2 Погосских. Как будто такие цены могут держаться где-нибудь, кроме Швейцарии?.. Если я увижу кого-нибудь из поляков, то спрошу.

Статью Ал<ександра> Ив<ановича>³, которого сердечно благодарю за «Cloche», я читала. Весьма интересно. Я купила ее еще два экземпляра и всё отправила в Россию. Была верная возможность переслать. Но я полагаю, что возможность представится еще раз, то если вам возможно пришлите мне 2 экз<емпляра> «Колокола» с 1-го января 1864 года и 4 экз<емпляра> «La Cloche» с продолжением статьи Алекс<андра> Ив<ановича>. Впрочем, это в случае, что вам не затруднительно. Это для моих друзей в Россию. Я около 3-х месяцев копила деньги и кое-что им переслала.

* это наименьшая из моих забот (франц.).

Вчера опять в «Дебатах» *наглая* статья о земских учреждениях. Воля ваша, какая ни на есть мерзость «Дебаты», однако их Европа вся читает⁴. Хотя бы одно слово опровержения кто-нибудь написал. А читали ли вы брошюру Монталамбера?⁵ Он ультрамонтанин, но не о том речь. Такого порыва, красноречия, силы, огня и вервы* я давно не видала в литературах, особенно во французской. Начинается дивно, словно поэма.

Я написала Жене, что вы пишете о «Ксане». Сам Женья больше всего любит эту свою повесть. Он говорит, что она задушевная его вещь. Вы читаете ли его письма из Испании? Они печатаются в «Голосе» и в России нравятся. Если нет, я, получив их, вам пришлю. Теперь их нет у меня, я их отослала одному приятелю Жени, который обожает его. Я в совершенном удовольствии, что Женья мог избрать карьеру писателя. *Я не смела* даже мечтать о возможности этого. Читая его письма из Испании, я убедилась, что у него талант и *оригинальность таланта*, что еще важнее. Притом, читая его письма, я так и вижу *его личность*, будто я сама с ним путешествую.

Поздравляю вас и Ал<ександра> Ив<ановича> с приездом молодых живописиц, я думаю все в восторге, и без них было очень пусто. А ваша Лиза что делает? И два других, я не знаю даже (и это стыдно) их имени, что подделывают? Ходят, говорят? А у меня *еще* внук. Маша родила еще сына: *Василия*. Это третий мой внук. У Ольги сын да у Маши два. Не хотят меня обрадовать внучкой. Даже досадно.

¹ Ответ на письмо Огарева от 26 мая 1864 г.

² Сын автора письма Е. А. Салиас в 1864 г. провел семь месяцев в Испании. Свои путевые впечатления он описывал в письмах, печатавшихся в газете А. А. Краевского «Голос».

³ О статье Герцена см. примеч. 7 к письму № 18.

⁴ О «Дебатах» см. примеч. 4 к письму № 18.

⁵ Шарль-Форб Монталамбер, гр. (1810—1870) — французский публицист консервативного направления; сторонник папской власти. Салиас имеет в виду его брошюру «*L'insurrection polonaise*», изданную в 1863 г. Брошюра эта была проникнута ненавистью к России и сочувствием к польской партии «белых». Автор ее обвинил Наполеона III в том, что он недостаточно активно поддерживал восставших поляков.

21

Bryanston House, Bournemouth. 28 июня (1864 г.)

Давно я собираюсь к вам писать, мой добрый, старый друг, собираюсь ежедневно и все откладываю; рука не поворачивается, так <как> знаю, что от моего письма вам будет страшно больно. Но делать нечего, надо же. Умер человек, которого вы очень любили, от которого я ждал многого и которому, конечно, надо было бы еще долго пожить. Умер И. Кельсиев¹. Я чувствую, как вас это известие должно поразить. Я не знал его, а и меня оно поразило так, что вот две недели не могу забыть. Сколько жизни, энергии, готовности на всякую жертву было в этом юноше и достаточно ума, чтобы определить себе деятельность, и все это погибло так внезапно. Он умер нервной горячкой в Тульче. Брат его вылежал в той же болезни и оправился, и только оправился, как занемог Иван, да и не выдержал болезни. Не говоря уже о пробеле в наших рядах, но обрыв такой молодой жизни как-то не ложится в мысль; нельзя с этим помириться. Если хотите, напишите несколько слов к брату, который страшно поражен этой смертью. А впрочем, зачем? Ему не в помощь, а себе, пожалуй, в неприятность! Просто сами одни поплачьте, а если что об нем, т. е. какие-нибудь биографические сведения, напишите мне, я их сохранию в печати.

Хотелось бы перейти к чему-нибудь утешительному, да нет ничего утешительного. Терпение, терпение — только и требуется на эту минуту.

* воодушевления (франц. «verve»).

ЛИЗА ГЕРЦЕН

Рисунок Н. А. Герцен (дочери),
1860-е гг.

Местонахождение оригинала неизвестно. Воспроизводится с негатива

Центральный государственный
архив Октябрьской революции,
Москва

Станемте терпеть; в будущем я нисколько не отчаиваюсь. Что лучшее будущее придет, вероятно, после меня — что ж с этим делать; но работать для него пока жив не перестану.

Прочтите-ка в «Московских ведомостях» № 151 статью из Петербурга — вот поэма-то безобразия, где Мих(аил) Никиф(орович) Катков изволил швырнуть собственной грязью в людей 25-го года². И ни один кулак еще на него не поднялся!

Утешение мне принес господин, приехавший купаться. Это очень светлая голова, и я его очень люблю³.

Пришлите мне письма Женни, — у меня их не было, и мне хочется их прочесть. Обнимите его за меня. Каково-то ему будет мое письмо!

Край здесь красив, как всякий приморский край! Но воздух какой-то давящий. Или я не в духе сегодня. Не знаю, право. Прощайте, друг мой, крепко жму вам руку.

Дети, большие и малые, здоровы. Жаль мне, что фотограф как-то не понял, что можно было устроить свидание⁴. Но *ce qui est différé n'est pas perdu**. Мне хотелось вам показать Тату, которая очень хороший человек; осенью это и уладим. Мы все собираемся перебраться на континент⁵, только не знаю — осенью или к весне. Тате же непременно надо быть зимой в Риме; ее талант в живописи несомненен; мне бы хотелось, чтобы она сохранила себе приют в жизни, т. е. искусство, потому что ведь без приюта-то еще хуже, друг мой! А мне бы хотелось, чтоб ей было хорошо.

Все наши вам шлют привет.

¹ И. И. Кельсиев умер от тифа 9 июня 1864 г. в Тульче (о его болезни и смерти см. в «Исповеди» В. Кельсиева, опубликованной в «Лит. наследстве», т. 41-42, 1941, стр. 380—381).

* то, что отложено, еще не потеряно (франц.).

² Огарев имеет в виду корреспонденцию из Петербурга, помещенную в № 151 «Московских ведомостей» за 1864 г. (подпись X). Автор этой клеветнической корреспонденции обвинял русских революционеров в том, что они будто бы всегда «протягивали руки внешним врагам России» и посягали на ее «целость и единство», выступая «в своре польских заговорщиков». В подтверждение этой инсинуации автор ссылался на переговоры декабристов С. Муравьева-Апостола, Бестужева-Рюмина и Пестеля с польскими революционерами, извращая сущность и значение этих переговоров.

³ Огарев имеет в виду С. А. Усова.

⁴ *Фотограф* — двоюродный брат Герцена С. Л. Львов-Львицкий (Левицкий). Речь идет о несостоявшемся свидании Салиас с дочерьми Герцена, которые в середине июня 1864 г. были проездом в Париже.

⁵ Как известно, переезд Герцена и Огарева на континент состоялся в марте 1865 г.

22

Е. В. САЛИАС — ОГАРЕВУ

31 июля <1864 г.>. Версаль¹

Сегодня утром принесли мне ваше письмо. Очень прискорбное известие². Очень мне было больно, и я искренно оплакала эту молодую жизнь. Отличный был юноша. Сердце чистое, детски непорочное, энтузиазм, готовность отдать себя на жертву, и отдал; доброе и незлобивое сердце. Умен был, не умел говорить фраз, чем так наши богаты, не был заражен *позитивизмом* и не продал бы не только душу, не только мысль свою, за кусок хлеба, а ровно ничего не отдал бы. Он давал всё *даром*, давал потому, что натура была бескорыстная и высокая. Наивность его была ребяческая, а мысль мужчины с этим.

Я любила его, отчасти как мать, отчасти как друг. Я говорю отчасти, потому что чувство матери к сыну, дочери такое бесконечное. Жаль мне его. Женя будет очень огорчен. Он любил и уважал его. Я всегда думала, что он не жалец здесь. Чист очень был. Я не знаю ничего о нем. Женя должен знать. Он бы мог написать о нем письмо к вам, да не знаю, напишет ли? Он чужак. Когда его что поразит, он не выговаривает, не высказывается тотчас, вдруг. Я не знаю даже, писать ли ему туда об смерти Кельсиева.

Пусть отдохнет. Ему много горя. Его гложет положение нашей земли, отступничество близких, хлестаковство многих, ирокезство массы, невозможность теперь воротиться туда. Желание видеть сестер у него доходит до болезни, желание жить у себя — до тоски. Я иногда не знаю, что с ним делать, и рада, что он в Испании и в Гренаде забылся, веселился. Зачем его *теперь* смущать? Пусть ответит душу. Узнает. Все узнается во-время, и горя впереди вдоволь.

Сожалела я, что не видала детей. Глупо это устроили. Я все ждала да и прождала. Это счастье, если у Таты талант, но женщине можно и без таланта прожить, лишь бы нашла счастье в семье. Иногда талант мешает семейному счастью, если муж не понимает вполне жены. Надо надеяться, что она не выйдет замуж за господина *пошлого*, хотя и доброго, хотя и умного. Ведь и умные бывают пошлы. Зачем вы говорите так легко, *en passant* *, о путешествии на континент? Это для меня важная вещь. Мне очень хочется вас видеть, и детей, и Герцена. Ведь я его *не* видала в Париже. Это было не свидание, а взгляд один друг на друга. Желала бы видеть, знать *лично*, полюбить, независимо от знаменитости. Просто узнать его как приятеля, сойтись как с другом, быть может, надеюсь: я осенью буду в Цюрихе. Приехавший купаться³ скажет зачем. Это дело важное. Мне надо на своем поставить и детей в свои руки прибрать.

Великолепная, достойная пера Герцена статья: «7 лет»⁴. Редко мне что в душу вошло, впилося, как эти строки, огнем и скорбью написанные, искренние, из сердца до сердца идущие. Спасибо, спасибо ему. Что уж

* мимоходом (франц.).

плакать? Я немало плачу, а читая, так слезы и катились. Я уж очень женщина. Откуда только эти слезы берутся? Кажется, конца им нет. Мне говорил один мой друг, что видеть это возмутительно, но что ж мне делать — будто легче, когда плачу. Вот и Серно-Соловьевич. 20 лет каторжной работы⁵. Изверги. Вот и Барановский⁶ сослан, по этапам. Да и не перечтешь. А какие иногда письма получаю от матерей, страх берет читать. Себя на место их поставишь, и думается, что сердце бы лопнуло, и умер бы сразу. Да оно и лучше.

Вчера видела объехавшего всю Европу русского, везде сходявшегося с русскими (я от них бегаю, как от чумы, ибо больна бываю от их речей). Какие он мне ужасы рассказывал. Даже те, о которых я думала, что они *честные*, заражены катковщиной, чичеринщиной или, по крайней мере, ирокезскими воззрениями, при которых кровь, слезы, терзания, скорби, истязания, изгнания есть *необходимые* бедствия и *миловать* никого не надо для величия (заклятого), для целостности и неприкосновенности государства (да будет оно проклято!). Просто я слушала и вся дрожала от злости и негодования. Хоронить нам надо себя. Мы погибли. Глаза наши не увидят, уши наши не услышат человеческих действий и речей <...> Я не читаю русские газеты. Ей-богу, не могу. Сил нет, и духу нехватает!⁷

Смерть Кельсиева во всем этом едва ли для него не есть лучшее.

Ему жить лично было не для кого. У него матери нет. Она сумасшедшая, как он мне говорил. Дела *один* человек не сделает, а мы все меньше, чем один, против страшной массы. Впрочем, кто живет еще, тот должен делать, хотя и без надежды. Долг исполнять надо. Не выйдет ничего из этой тины, кроме вони и гниения. Родятся опять черви. От червей не родится орел. Поверьте, что это так, а если не верите этому, то счастливее меня. Я отступаю, ибо нехватает ни надежды, ни сил.

Прошайте. Очень, очень буду рада увидеться. Напишите, как полагаете, где и как.

¹ Ответ на письмо Огарева от 28 июня 1864 г.

² Речь идет о смерти И. И. Кельсиева.

³ *Приехавший купаться* — С. А. Усов.

⁴ Статья Герпена «VII лет» была напечатана в «Колоколе», л. 187, от 15 июля 1864 г. Она была написана по поводу семилетия со дня основания «Колокола» и содержала в себе весьма яркую картину реакции, восторжествовавшей в России.

⁵ Салиас ошибалась относительно приговора по делу Н. А. Серно-Соловьевича: он был осужден Сенатом на 12 лет каторги; позднее постановлением Государственного совета каторжные работы были заменены ему ссылкой на поселение в Сибирь.

⁶ *Барановский* — участник польского восстания.

⁷ Во вступительной статье нам приходилось уже говорить, что Салиас, находящаяся под влиянием идей космополитизма, не верила в русский народ и в его будущность, а также боялась проявлений активности народных масс.

Завтра едет У<сов>¹ и передаст вам это письмо. Сколько этот человек для меня лично сделал, я вам и выразить не могу; он имел терпенье быть моим учителем, да еще каким учителем! Такого превосходного профессора я нигде бы не нашел. Таким образом, он мою старость вполне утешил с этой стороны, так что даже если и недолго проживу, то все же многое успею разъяснить себе, чего без его пособия я не был бы в состоянии сделать.

Но теперь, мой добрый, старый друг, перехожу к другому вопросу. Долго я не решался приступить к нему. Иной раз спрашивал сам себя: да с какого права?.. Но нет! Приступаю к нему по праву всех моих воспоминаний. Я узнал, зачем вы едете в Цюрих². Но скажите, зачем же вы хотите детей в отроческом возрасте оторвать от родины, т. е. от почвы, на

которой они волей или неволей должны будут после жить и действовать? Какой будет результат? Только тот, что вы не сделаете их своими в Европе и сделаете их чужими в России. Вы сделаете им жизнь в тягость и отнимете у них всякую деятельность. Конечно, какой-нибудь талант к специальной науке или специальному искусству может вынести эту разорванность жизни; но обозначился ли уже у которого-нибудь из них этот специальный талант? Да если он и окажется, то кто ручается за то, чтобы он сохранился в юности, т. е. той поре, когда человек уже определяется, — что он такое? Другое дело послать их за границу в юношеском возрасте, в возрасте университетской деятельности, — тогда они поедут учиться, вовсе не разрываясь с той средой, где волей или неволей должны жить и действовать. Тогда они съезжают *набраться сил*, а не *сгубить их в разорванном отношении с обеих сторон*.

Вы не верите в будущность России; это ваше мнение. Против и за найдется много доводов; стало, ваше мнение не есть окончательная правда. Какое же право, из-за личного мнения, а, может, из-за личной ошибки, какое право имеете вы вталкивать в немощь и повсюдную чуждость молодые жизни, вашему сердцу близкие? Образовать их везде можно, и в России точно так же, как и здесь, когда есть на это достаточно денег. А в этом случае денег, кажется, на столько-то хватит. В заключение умоляю вас — одумайтесь и не делайте с детьми из фантазии того, что мы с нашими вынуждены делать из горькой необходимости. — Если мне не надо было этого говорить, мой старый друг, простите мне слово, на которое я решился, конечно, не из нелюбви.

Крепко жму вам руку.

Ваш О г<а р е в>

А у Кельсиева жена и дочь больны; вероятно, тоже в тифе. Писать к нему средств нет — письма не доходят. Это ужасно!

Рукой Герцена:

Я думаю в конце осени быть в Швейцарии³ и там непременно увижусь с вами, только не в Цюрихе. Этот город мне по многому ненавистен⁴. Радуюсь, что мои «VII лет»⁵ вам понравились, если вы были ими тронуты, то будете смеяться от моей «*Camisia rossa*»⁶.

Душевно преданный

А. Герцен

¹ Об Усове см. примеч. 2 к письму № 14. Огарев брал у него уроки математики (см. письмо А. И. Герцена сыну от 15 августа 1864 г. — XVII, 333).

² В Цюрихе Салиас намеревалась найти пансион, куда можно было бы отдать на воспитание детей ее сестры, Е. В. Петрово-Соловово.

³ Расчеты Герцена не оправдались: он приехал в Швейцарию для переговоров с представителями «молодой эмиграции» (в Женеве) только в самом конце 1864 г.

⁴ Герцен посетил Цюрих в декабре 1849 г. Там он пережил тяжелую трагедию, вызванную увлечением его жены Гервегом.

⁵ Статья Герцена «VII лет».

⁶ Статья «*Camisia rossa*», где описывалось пребывание Гарибальди в Лондоне, была напечатана в «Колоколе» (лл. 188, 189 и 191, от 15 августа, 15 сентября и 15 ноября 1864 г.) и затем вышла отдельной брошюрой.

Спешу вам сказать несколько слов. Я думаю, адресоваться вам лучше через тетушку Марью Алексеевну или просто прямо. Но только в обоих случаях *крайне осторожно*, ибо ему очень легко повредить, так что польза будет только вред.

* «Красная рубашка» (итал.).

А ведь не худо бы, если бы вы дали случай, выгородив себя, напечатать про клеветы, распускаемые Павл(ом) Вас(ильевичем) и Вас(илием) Петр(овичем)¹. Как мне грустно становится, что я их любил и что иной раз отыскиваю струнку воспоминаний — и тогда-то, оправившись, хочется хватить прямо, чтоб надписи снять нельзя было. Не можете ли вы *как можно скорей*, достать брошюру Шедо-Ферроти² «Que fera-t-on de la Pologne»*, говорят, она вся разошлась, и книгопродавец не мог достать; достаньте у знакомых и пришлите по почте, хоть на неделю. Нам это

ЛЮЦЕРН

Литография, 1860-е гг.

Музей изобразительных искусств им. А. С. Пушкина, Москва

очень нужно. Спор между Шедо-Ферроти и Катковым! спор, где Шедо-Фер(роти) обвиняет Каткова в искажении правительственного направления к добру и в наущении правительства кровожадности! Да прочите сами и прочтите в «Москов(ских) вед(омостях)» защиту Каткова — многозначительную, ибо это длинное *decrecendo***.

Я вам ничего не писал о вашем предыдущем письме. Жаль мне, и если обстоятельства так сложились, что лучше где бы то ни было человеческое воспитание, чем аристократничание дома; но будьте осторожны — пожалуй, вы введете молодых людей (или мальчиков) в среду немецко-швейцарского пансиона, где перед их аристократизмом будут гнущься все, начиная с самого воспитательных дел мастера³. Что тогда?

Засим, мой добрый, старый друг, прощайте. Погода чудесная, — пойду в поля тоску мыкать. Хотя у меня побольше веры в будущность России, или не веры, а убеждения, и больше терпения, чем у вас, — тем не

* Над зачеркнутым: l'ennemie de la Russie (враги России — франц.) рукою Герцена надписан перевод: «Что сделают с Польшей» (франц.).

** постепенное уменьшение силы звука (итал.).

меньше жизнь тяжеловата. Ну! да на то и плечи даны, чтоб ношу таскать. Обнимаю Женни.

Рукой Герцена:

Второе письмо получили мы — я прошу вас прочесть всю полемику Шедо-Ферроти с Катковым.

¹ Павел Васильевич — Анненков, Василий Петрович — Боткин. Анненков, находившийся в первые годы существования «Колокола» в постоянных сношениях с его издателями и выражавший им сочувствие, по мере нарастания угрозы народной революции в России, подобно другим либералам, прервал с Герценом и Огаревым всякие сношения. Боткин, бывший сотрудником «Отеч. записок» времен Белинского и Некрасовского «Современника», в шестидесятые годы перешел в лагерь реакции. О каких именно клеветах, распространявшихся Анненковым и Боткиным, пишет Огарев, определить не удалось.

² Шедо-Ферроти — псевдоним появившегося за границей агента русского правительства бар. Фиркса (см. о нем выше в наст. томе). Брошюра, о которой пишет Огарев, отражала взгляды на польский вопрос либеральной части петербургской бюрократии, которая рассчитывала видимостью уступок примирить польское общество с русской правительственной политикой в Польше. М. Н. Катков на страницах «Московских ведомостей» (№№ 195 и 196 за 1864 г.) резко выступил против Шедо-Ферроти. На помощь к Шедо-Ферроти пришел его вдохновитель, министр народного просвещения А. В. Головнин, предложивший органам цензуры не допускать в печать каких бы то ни было полемических статей о книге Шедо-Ферроти. Герцен и Огарев внимательно следили за этими событиями особенно потому, что Катков в своих статьях говорил о той шумевшей полемике, которую он по поручению правительства вел в 1862 г. против издателей «Колокола». Шедо-Ферроти считал эту полемику крупной заслугой Каткова, нанесшего, по мнению Шедо-Ферроти, поражение не только Герцену, но и его лице и всему революционному движению в России. «Много чести, но это не верно, — отвечал Катков Шедо-Ферроти. — Наш поход на г. Герцена не имел таких последствий... Г-н Герцен был не столько причиной болезни, сколько ее симптомом. Имя г. Герцена действительно утратило то странное, почти мистическое значение, которое было сообщено ему обстоятельствами; но настроение молодых умов мало от этого улучшилось». Вслед за этим Катков доказывал, что Шедо-Ферроти, проповедуя необходимость уступок в пользу польского общественного мнения, тем самым оказывается солидарным с Герценом, от которого на словах он хочет отгородиться.

³ См. примеч. 2 к предыдущему письму.

16 октября <1864 г.>. Бельфонтен

Любезный друг, я сейчас послала письмо, полученное мною от русского с вырезками швейцарских газет, где, по письмам из Симбирска, обвиняют поляков и нигилистов в заговоре и поджоге Симбирска¹. Там говорится почти то же, что и в «Таймсе». Прочтите письмо русского ко мне, которое получите из Парижа через два дня. Швейцарские газеты можете оставить у себя, но письмо мне возвратите. Я его должна показать кое-кому. С ума сойти можно. Что день, то не легче. Почти все приезжие говорят об апатии общества и о сне, одблевающем всё и всех. Одни реакционеры полны жизни, силы, деятельности. Я боюсь, что назначат комиссию открывать поджигателей, будут пытаться и, конечно, найдут их. Чего не найти с пыткой? Стыд потерян. Теперь уже не беспокоятся о *молве* (чего не писали — всё писали, и им газетные статьи приелись), и не задумаются употребить в дело розги, щипцы и рвание ногтей, чтобы исторгнуть признание.

Николаевские генералы (некоторых случалось встречать *лучше, гуманнее* тех мошенников и разбойников, которые с Черкасскими, Бергами, Милютиными, Потаповыми и Муравьевыми²) — это всё одного поля ягода. У нас Павел Павл(ович) Гагарин, Голицын³ и другие свирепствуют. Посмотрите, какие законы выдадут.

Я не могу больше да и нечего писать. Очень тяжело.

Сын мой приехал ко мне сюда; он очень устал; семь месяцев с места на место переезжал. Он хорошо знает по-испански, привез кучу книг и

множество материала для писем. У меня нет тех, которые напечатаны, а то бы я вам прислала. Имеете вы вести об Альбертини⁴? Я никаких не имею. Пришли за письмами. Не могу продолжать. Я остаюсь здесь еще, по крайней мере, три недели.

¹ В 1864 г. в Симбирске происходили большие и опустошительные пожары. Реакционеры распустили слухи, будто бы пожары эти являются последствием поджогов, производимых поляками, сосланными в этот город. Для исследования причин пожаров в Симбирск была направлена специальная комиссия во главе с сенатором Ждановым. Произведенное ею следствие установило, что обвинение, возведенное на поляков, является клеветническим. На обратном пути в Петербург сенатор Жданов неожиданно скончался. Носились упорные слухи, будто бы его смерть не была случайной; говорили, что ему якобы удалось открыть различные злоупотребления симбирской администрации, но что собранные им компрометирующие документы после его смерти бесследно исчезли.

² Все перечисленные лица были причастны или к беспощадному подавлению польского восстания или же к последовавшему за этим проведению политики руссификации Польши.

Князь Владимир Александрович Черкасский (1824—1878) — известный публицист-славянофил, был привлечен Милютиним для проведения упомянутой реформы в Царстве Польском.

Федор Федорович Берг, гр. (1793—1874) — генерал-фельдмаршал, в 1863—1864 гг. наместник в Царстве Польском, жестоко подавлявший восстание.

Николай Алексеевич Милютин (1818—1872) — известный деятель крестьянской реформы 1861 г.; после восстания 1863 г. был направлен в Варшаву для проведения крестьянской реформы в Царстве Польском.

Александр Львович Потапов (1818—1886) — в 1861—1864 гг. управляющий III Отделением.

О М. Н. Муравьеве — см. примеч. 3 к письму № 18.

³ Князь Павел Павлович Гагарин (1789—1872) — член Государственного совета, крайний крепостник.

Голицын — повидимому, Александр Федорович Голицын, председатель Следственной комиссии, учрежденной в 1862 г. для расследования «политических преступлений» и для борьбы против революционного движения.

⁴ О Н. В. Альбертини см. ниже в наст. томе, в предисловии к письму Огарева, адресованному ему.

26

21 ноября <1864 г.>

Пишу вам несколько слов, старый, милый друг. Письмы вам возвращаю с Герценом¹, а «Монжажа» пришлю по почте²; наш служитель переложил его не в тот ящик, и долго его искать. Я вам его пришлю в конце недели или в начале будущей и напишу вам побольше и пришлю свой адрес; я поселился в Ричмонде, но адрес мой еще мне неизвестен; следственно, я вам напишу как скоро совсем поселюсь и буду в состоянии прислать свой адрес. Крепко жму вам руку. Перед отъездом Герц<ену> писать некогда, он вам на словах передаст больше.

Глубоко вам преданный.

¹ 21 ноября 1864 г. Герцен выехал в Париж.

² «Монжажа» (Mon joujou) — повесть Е. А. Салиаса, напечатанная в «Отеч. записках», 1864, кн. 8.

27

<14 декабря 1864 г.> Середа вечером

Мой милый, добрый, старый друг, целый день порываюсь к вам и решительно сегодня не дорвусь. Получил телеграмму, что Лиза тоже кашляет. Я думаю, что у Натали это страх слишком понятный, потому что есть с чего с ума сойти. Мы решили так: Герц<ен> завтра едет туда с Marie³. О докторах мы сейчас телеграфировали. Герц<ен> мне тотчас телеграфирует, что и как, и я поэтому решусь, что делать. Сегодня мы с ним сговоримся о многом. Завтра, проводив его, отправлюсь к вам. Крепко обнимаю вас¹.

Ваш О г а р е в

¹ Настоящее письмо написано Огаревым после того как он получил известие из Парижа от Н. А. Тучковой-Огаревой о тяжелом заболевании младших детей и о том, что Лиза, повидимому, заразилась от них скарлатиной.

² *Marie* — служанка Герцена.

28

22 декабря (1864 г.). Ричмонд 6.
Rothsay, villas Richmond hill

Лучше уже написать сколько-нибудь теперь, чем еще откладывать. — Прежде всего, мой добрый, старый друг, дайте еще раз обнять вас за благородную услугу¹, да раз так, потому что хочется — вы хороший человек. Я глубоко ценю нашу встречу, как ни тяжелы были обстоятельства. Ну! да что об этом — вы сами меня настолько знаете, чтоб знать все, что мне близко к сердцу. Приехал я хорошо, болен еще не был². Примусь серьезно лечиться и спасусь в работе от всего скорбного. Из Монпелье вести хорошие: Лиза уже выходит гулять. Авось ли небольшой остаток моей жизни пройдет не бесплодно. — У нас снег, и дождь, и туман, и все же мне дышать легче, чем в вашей столице. Здесь нет ни заразы, ни гувернеров. Я не верю, чтоб вам было здорово жить там, и уверен, что для вас всего бы лучше было жить где-нибудь около Комо, например, и вдвесьте дешевле. Время у меня идет покамест весьма странно; не могу попасть в настоящую колею занятий; письма, посторонние предметы смущают меня. Не говоря уже о том, что прошлые две недели еще так не выходят из памяти, что трудно преодолеть самого себя; но надеюсь, что на днях дойду до того, что поставлю себя бодрым работником. Начну с примечаний к делу Черн(ышевского)³. Хорошую штучку вы увидите в будущем №, как в Новороссии гонят немцев во имя лютеранизма за принятие баптистских верований⁴. Однако в продолжение этих нескольких дней, в результате только то, что я не болен. Это меня даже мало радует, потому что невозможно, чтоб оно долго продолжалось, а уж скорей бы отделаться, и тогда надолго буду здоров. — Хочется написать маленькому Ут(ину)⁵. Не знаю, успею ли сегодня, а даже нужно. «Монжажа»⁶ еще не перечитывал, хотя непременно хочу, ибо моя критика Женни будет делаться с глубокой любовью к нему; надеюсь, что он в этом не сомневается и крепко жму ему руку.

Ну! прощайте покамест. Пообедаю и пойду на почту —

Dem Sturm, dem Regen,
Dem Wind entgegen *⁷.

¹ *Благородная услуга* — помощь, которую оказала Салиас Герцену и Н. А. Огаревой во время болезни их детей.

² В связи с болезнью детей Герцена Огарев ездил в Париж, где свиделся с Е. В. Салиас.

³ Огарев имеет в виду примечания к напечатанной в «Колоколе» (л. 193, от 1 января 1865 г.) записке по делу Николая Гавриловича Чернышевского, составленной в Сенате.

⁴ В «Колоколе» (л. 193, от 1 января 1865 г.), в отделе «Смесь», была напечатана заметка, озаглавленная «Гонения в пользу иностранной церкви». В ней описаны были гонения, которым подвергались на юге Украины немцы-баптисты, выступавшие против лютеранской церкви.

⁵ *Маленький Ут(ин)* — известный впоследствии либеральный публицист, сотрудник «Вестника Европы» и адвокат Евгений Исаакович Утин (1843—1894), младший брат эмигранта Николая Исааковича Утина. В это время Е. И. Утин находился в Париже и посещал салон Салиас.

⁶ О «Монжажа» см. примеч. 2 к письму № 25.

⁷ Неточная цитата из «Rastlose Liebe» Gère; вместо «Dem Sturm» нужно «Dem Schnee».

6. Rothsay, villas Richmond hill, S. W.
19 января <1865 г.>

Пишу к вам, мой милый, старый друг, не то, что хочется. Сон ваш не в руку — это далеко не по душе. Пишу только, чтоб сказать вам, что мне скучно и стыдно, что я долго не писал, а между тем виноват не столько я, сколько обстоятельства. Здоровье мое, с приезда из Парижа, отвратительно, мешает порядком работать, но, несмотря на то, что я на затылке ношу заволочку, одобренную факультетом и моим собственным убеждением, тут есть что-то такое недонаблюдаемое, что мешает правильному прогрессу лечения. Я болен раз в неделю с аккуратностью перемежающейся лихорадки; пароксизм или, попросту сказать, эпилептический припадок дня на два [оставляет] приводит меня в положение утомления, во время чего я избегаю настоящего занятия, а отдаюсь чтению «Московск<их> ведомостей». Дней 5 в неделю я свежее и работаю насколько сил хватает; дела бездна и не вижу, как успею сладить. От этого долго к вам и не писал, и теперь — как сказал — далеко не по душе письмо, совсем нет надлежащего расположения — то мысль о деле, то мысль о болезни. Однако вы о последней не очень беспокойтесь; я убежден, что она мало-помалу устранилась, и, вероятно, в понедельник до пароксизма приму хинины и поправлюсь надолго; трудно добиться до действительного наблюдения, а между тем оно чрезвычайно интересно, я сам для себя чрезвычайно интересный патологический субъект.

Что же касается до дела, то прибегаю к вам с просьбой, которую вам легко исполнить, но только поскорее. Скажите Ут<ину>, чтоб он *тотчас* написал мне, были ли у него от меня соотечественники, куда уехали, оставили ли у него мое письмо к Алекс<андру> Ив<ановичу>?¹ И если оставили, то чтоб он это письмо сию минуту переслал в Монпелье, Hôtel Nevet, M-me Ogareff. Я потому адресуюсь к вам, что боюсь, уж не переменил ли Ут<ин> квартиры, уж не ошибся ли я как-нибудь, то-то была бы нелепость! А пересылка одного письма в Монпелье для меня серьезное дело. Я также дал для передачи Ут<ин>у Лизиву книжку, эту тоже прошу переслать в Монпелье не позже 26 января, а пересылку поставит мне на счет до встречи или до высылки стемпами*. Ну вот и вся комиссия, но наблюдайте ее исполнение со всем женским усердием, ибо — повторяю — это для меня литературно серьезно, т. е. это для меня дело.

Ну! теперь о вашем письме да и на почту!

Ваше письмо меня кольнуло в чувствительное место. Несмотря на всю мою привычку разрушать собственные идеалы, мне было жаль настроения ваших сестер. Зачем же это все пошло в такую беспцветную пустоту?.. Но мне не только Душеньки², мне и детей ее жаль, если уже на них теперь отразилась пустота русской дворянской жизни, и отец не мог помочь этому. Читая русские газеты по обязанности, я так взгляделся в пустоту этой русской дворянской жизни, что меня пробрало глубоким отвращением и ненавистью. Вообразите себе, что со всех мест одно и то же: общественных должностей (земск<их> учрежд<ений> и пр.) дворянство бежит, а посмотрите, как оно лепится к престолу и чиновничеству! Нет! старый друг, жаль, когда в эту пустоту тонут существа, которым было отдано, может, все, что было хорошего в сердце, но мудрено, чтоб их жизнь сложилась иначе, и на остальных придется со злобой рукой махнуть и послать их мысленно к чёрту, пока они еще и *de facto* к нему не отправились.

Теперь о Женни. Зачем же он скучает и не работает? Он способен работать. Скажите ему это от меня. Мне хочется его видеть построившим свой эстетический мир на человечески-общественном основании, и я знаю, что

* марками (от англ. stamps).

он на это способен, но пока он себя этой задаче не почувствует преданным, — ему все будет скучно. Пусть ему будет больно, но не могу я равнодушно смотреть на то, что он скучает; меня это коробит. О «Монжаже»³ еще не пишу, все не довольно силен и свободен от крупной болезни и мелких дел.

Одному мне не тоска, мой старый друг. Если б немножко покрепче был, то бездну бы наработал, а я с работой тороплюсь, потому что все же жизни остается не бог знает сколько, а задачи, — которые, не решив для себя, не могу спокойно покончить, — еще ужасно длинны. Все же к весне думаю поправиться, окрепнуть и встретиться с вами и поговорить по душе наяву.

Спасибо вам за любовь к Лизе⁴. Лиза выправится. Дайте пройти этому тяжелому времени, где я не в помощь по болезни, и все обстоятельства еще не сладились. Натали в состоянии отчаяния после смерти детей, так что я не жду в эти месяцы хорошего влияния на Лизу. Саша был у них — помог; Герцен пробудет дольше, чем думал, — всё лучше! А к весне и я подведу, и для Лизы самый лучший помощник — Тата. Недавно получил от нее письмо, — что это за мягкое, доброе, светлое создание! Под влиянием этого доброго, любящего взгляда Лиза должна сделаться сама собой.

Ну! за сим прощайте. Пора на почту. И то уже заболтался и не прочел ни одних «Московских» ведомостей, а мне их еще 14 перечестъ, да 4 «Современные» летописи, да 4 «Дня», да 20 «Инвалидов» и все это, чтоб сварганить маленькую смесь (что вовсе не моего ума дело)⁵. К стати, в том № «Колокола» будет не моя, а статья NN, и сам не знаю чья, из России, просто прелесть как пробирательна, под заглавием: «Освобождение крестьян и польское восстание»⁶. Склоняю колени перед этим новым неизвестным; хорошо, кабы побольше подобных.

На какой же вы квартире? Всё на той же?

¹ Огарев имеет в виду Е. И. Утина (см. примеч. 5 к предыдущему письму). О каких соотечественниках, которые должны были оставить у Утина письмо Огарева к Герцену, идет речь, неизвестно.

² Душенька — сестра Е. В. Салиас.

³ См. примеч. 2 к письму № 25.

⁴ Лиза Герцен во время болезни находилась на попечении Е. В. Салиас.

⁵ Речь идет об отделе «Смесь» в л. 194 «Колокола», от 1 февраля 1865 г., составленным на основании сведений, почерпнутых из русских газет.

⁶ Статья «Освобождение крестьян в России и польский вопрос», напечатанная в «Колоколе» (лл. 194 и 195, от 1 февраля и 1 марта 1865 г.).

11 июня <1865 г.>. Boissière

Мой добрый, старый друг, как же я виноват, что так долго не пишу вам после вашего письма и вашего сына?¹ Какая-то усталость напала, «мозги не шевелятся». Наконец самому это состояние делается противно, и хочется прервать молчание, которое завелось между нами с тех пор, как я уехал сюда. Что же сказать вам? Что край здесь очень хорош? — это вы и без меня знаете. И сад наш очень хорош, и дом тоже. Здоровье мое плохо — это правда, хуже чем в Лондоне, так что даже мешает порядком работать. Но к этому можно привыкнуть, распорядиться временем так, чтоб лучше работалось; стало, и распространяться об этом нечего. Лучше скажу вам, что дети все съехались и что я ими очень доволен. Они все трое (т. е. Саша, Тата и Ольга) добрый и неглупый народ. Саша много работает в науке, Тата — в живописи; Ольга еще не сложились и ленива, но больше работает в музыке. Лиза моя становится ужасно умна, так что я иной раз не могу понять, откуда ей что в голову приходит, но зато любит и пошалить.

Дженни я неделю как не видал; авось он приедет сегодня. Я к нему не ездил, потому что далеко и боюсь им помешаю, а сам сконфужусь (потому что стал ужасно дик в последнее время)². Впрочем, в первое свиданье я не сконфузился и, кажется, произвел то впечатление, которое было естественно, т. е. впечатление старого друга. Она мне показалась чрезвычайно милым и добрым ребенком. Внутренно я не так рад счастью Дженни, как бы мог быть в иные годы. Мне кажется, что это счастье всегда связывает жизнь по ногам и рукам так, что самым серьезным сторонам мешает. Впрочем, я ему этого не сказал; успеет узнать! Не я пушу в его мед каплю яда. Мне кажется, что ему теперь очень хорошо жить, и мне от этого будто весело, и тревожить его ничем не хочется.

Что же еще вам сказать, мой старый друг? Да, видно пора кончить на этот раз. Получили ли вы № 197 «Колокол»а? На днях вышлетсЯ 198-й.

Крепко жму вам руку.

Нат<али> вам кланяется, Гер<цен> тоже.

Прощайте пока! Теперь не стану уже так долго молчать.

Ваш О г а р е в

¹ Это — первое письмо Огарева к Салиас после переселения в Швейцарию.

² Е. А. Салиас в это время жил в окрестностях Женевы с молоденькой французской женой, которую он увез от нелюбимого ею мужа.

5 октября <1865 г.>

Долго же не отвечал я вам на ваше письмо, мой милый, старый друг! Причины на это никакой не было, кроме какой-то лени и внутренней скуки. Лиза и Нат<али> уехали в Монтрё. Я видел ваше отношение к Лизе, ибо иногда все подмечаю исподтишка, и потому вы поймете, что для меня отсутствие Лизы очень душещипательно. А потом как-то нездоровилось. Теперь я опять взшел в свою колею и даже, кажется, здорвею, несмотря на все мелочные неприятности женевской жизни. Кстати, один из поводов к неприятностям это Серно-С<оловьевич> младший (Александр), который поврежденный и продолжает сумасшествовать¹. Содержать его решительно нет никакой возможности, помимо коллекты, а коллекта в Женеве невозможна. Если б вам удалось с знакомых русских стянуть для этого дела сколько возможно денег, то присылайте на имя Гер<цена> или мне. Гер<цену> одному делать из своего кармана жертвы на все стороны становится невозможно. Мой карман равен 0. Если вы выхлопочете долг Ж<енни>², о котором напишу на последней странице этого письма, то и я свою лепту внесу ради памяти старшего С<ерно>-С<оловьевича>, которого я много любил или люблю. А теперь я совершенно несостоятелен. Вексель или расписку Ж<енни> искал, но не нашел еще, да вряд ли найду, а искание в бумагах для меня вызов на нервный припадок.

С вашим мнением о «Колоколе» далеко не согласен, друг мой, — и знаете ли, что мне кажется? — что вы его вовсе не читаете. Не сердитесь за эту заметку, — она невольно пришла в голову, но далее только время покажет и настоящие отношения «Колокол<ола>» и ту колею, форму, в которую он постепенно должен войти и которая ему естественна.

Как же ваше здоровье? Холерина — дело легко проходящее. Но что же такое с Женни, что ему даже пивявки ставили? Напишите, что и как, я хочу знать, а в особенности, как он теперь.

О Жорике <?> Лизе напишу или скажу, ибо надеюсь сам скоро на день-другой съездить. Она ко мне чрезвычайно мило пишет, хочет повидаться со мной и с Татой и с Ольгой, которая приехала теперь на вакации, — много развилась, выросла в короткое время чрезвычайно, но ребяческий

элемент в ней еще преобладает, хотя она и начала хорошо учиться. Лиза ходит в школу в Монтрё.

Спасибо вам за поклон Тате и ваше мнение о ней. Это одно из существ, которые для меня всего дороже, это одна из самых светлых и гуманных натур, какие я знал в жизни. Ее действительная, серьезная любовь к Лизе — уже одна сближает меня с ней, кроме всех других хороших сторон ее натуры.

Герц^{ен} и Тата жмут вам руки, и я вас братски обнимаю и засим кончаю письмо и перехожу к quasi официальной записке.

Жму руку Женни.

¹ А. А. Серно-Соловьевич страдал тяжелой формой душевного расстройства. Эмигранты пытались организовать сбор средств в его пользу («коллекта» в письме Огарева), но вследствие тяжелого материального положения их самих сбор этот был явно недостаточным.

² Речь идет о деньгах, взятых у Огарева займы Е. А. Салиасом.

32

Genève, Petit Lancy, maison Dunoyer.
6-го ноября <1867 г.>

Третьего дня вечером получил я ваше печальное письмо, мой старый друг¹. Вот оно — черед-то выходит за младшими! А я вот, несмотря на болезнь, живу здоровехонько — так что если б можно было в Версаль придти пешком, я бы к вам пришел (а ездить трудно).

Воображаю положение вашего отца и горесть Душеньки. Напомните ей обо мне и крепко пожмите руку, если она позволит.

Герц^{ен}у пишу сегодня в Ниццу, где он с Татой, Нат^{али} и Лизой. Лиза выросла, поумнела и плавает, как рыба. Давно я ее не видал! Трудность передвижения ужасно мешает.

Я тоже давно собирался к вам писать, мой старый друг, но, как следует русскому человеку, — все собирался и только. Авось ли мы теперь хоть возобновим переписку.

Где же Женни, где Маша? Почему вы одна?

«Колокол» будет с 1-го января выходить по-французски, с русским приложением. Работы довольно. Да без работы плохо бы приходилось. Только это и поддерживает.

Вот все, что могу сообщить вам нового. Остальные новости вы сами знаете и знаете то, что утешительного ничего нет.

Крепко жму вам руку, мой старый друг, и глубоко разделяю ваше горе. Пишите же.

Ваш Н. О г а р е в

¹ Это письмо Салиас к Огареву неизвестно. В нем сообщалось о смерти младшей из сестер Сухово-Кобылиных — Софьи Васильевны, художницы.